

Жаклин Уилсон
Моя сестра Джоди
Серия «Жаклин Уилсон. Мировой
бестселлер для девочек (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11132569
Жаклин Уилсон. Моя сестра Джоди: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80778-9

Аннотация

Самостоятельная, яркая, веселая Джоди всегда была тихоней Перл идеальной старшей сестрой, настоящим кумиром и образцом для подражания. Но для родителей, оказывается, гораздо ценней другие качества. Им бы хотелось, чтобы Джоди стала послушней, лучше училась и не дерзила. И не влияла дурно на Перл. Может, переезд в другое место и учеба в пафосном колледже помогут Джоди образумиться? Да и Перл это пойдет на пользу, она ведь по-настоящему любит учиться. Итак, решено – семья едет в Мельчестер Колледж! Новый город, новый дом и новая школа! А еще новые друзья. Но все ли смогут ими обзавестись?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Жаклин Уилсон

Моя сестра Джоди

Jacqueline Wilson

MY SISTER JODIE

Text copyright © Jacqueline Wilson, 2009

This edition is published by arrangement with David Higham Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency.

Иллюстрация на обложке Валентины Яскиной

Иллюстрации Виктории Тимофеевой

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Джоди. Это было самое первое слово, которое я сказала в своей жизни. Большинство детей первым делом лепечут «мама», «папа», «пить» или «мишка». Возможно, каждый ребенок самым первым называет то, что больше всего любит. Я сказала *Джоди*. Моя сестра. Ну ладно, на самом деле я сказала *Доди*, потому что не могла еще справиться с «дж», но точно знала, что я имею в виду.

С ее имени начиналось мое каждое новое утро.

– Джоди? Джоди! Просыпайся. Пожалуйста, просыпайся!

Разбудить ее утром – дело почти безнадежное. Сама-то я просыпаюсь рано, в шесть часов, иногда и раньше. Когда я была маленькой, я возилась в своей кровати, чтобы отыскать трех своих «ночных» медвежат, а затем устраивала им утреннюю пробежку вверх и вниз по моему одеялу. Я поднимала коленки, и медвежата взбирались по ним вверх, а затем скачивались вниз как с горки. Потом медвежата усаживались, зарывшись глубже в одеяло, и начинали с удовольствием завтракать воображаемой овсянкой.

Мне так рано съесть что-нибудь не позволялось. Мне даже вставать не разрешали. Хорошо стало, когда я начала читать. Иногда до звонка будильника я успевала прочитать целую книжку. Затем я лежала, глядя в потолок и придумывая разные истории. Так я ждала, насколько хватало сил, а затем забиралась в постель к Джоди и, шепча ее имя и слегка тряся сестру, начинала рассказывать ей свою новую историю. Мои истории всегда были про двух сестер. Они, эти сестры, вместе попадали сквозь платяной шкаф в волшебную страну, или поступали в театральную школу и становились знаменитыми актрисами, или отправлялись на бал в великолепных длинных платьях и танцевали там в своих хрустальных туфельках.

Как я уже говорила, разбудить Джоди утром ох как непросто. Ночью она словно проваливается в глубокий темный туннель, и ей нужна целая вечность, чтобы выбраться из него назад, на поверхность. Но вот наконец она приоткрывает один глаз и тут же машинально обнимает меня. Я прижимаюсь к Джоди и продолжаю свой рассказ. Время от времени мне приходится подталкивать ее локтем и спрашивать:

– Ты уже совсем проснулась, правда, Джоди?

– Я не сплю, – бормочет она в ответ, но я продолжаю легонько толкать ее, чтобы убедиться, что так оно и есть.

А когда Джоди в самом деле просыпается, она иногда начинает рассказывать свою историю, например, о том, как две сестры, словно две королевы, вдвоем правят волшебной страной, и ежедневно выступают в своей телевизионной мыльной опере, и весь вечер, до самой полночи, танцуют на балу. Друг с другом.

У Джоди истории всегда получаются намного лучше моих. Я уговаривала, умоляла ее записывать их, но Джоди и слышать об этом не желала.

– Давай-ка лучше *ты* записывай их для меня, – сказала она. – Это же ты у нас хочешь стать писательницей, а не я.

Да, это правда, я хотела сочинять свои собственные истории. И сама же их иллюстрировать.

– Если хочешь, я буду помогать тебе с темами, – предложила Джоди. – А еще ты можешь сделать все рисунки, а я их раскрашу.

– Если только ты будешь делать это аккуратно и правильными красками, – сразу предупредила я, потому что Джоди иногда может раскрасить лица зеленым, а волосы сделать синими. Просто так, потому что это прикольно.

– О'кей, мисс Привереда, – согласилась Джоди. – Я тебе помогу, но только это вовсе не то, чего мне хочется по-настоящему. Я хочу стать актрисой, вот чего я хочу на самом деле.

Представляешь, я стою на сцене, кругом горят огни, и все смотрят на меня и слушают, боясь пропустить хоть одно мое слово!

– Может быть, из какой-нибудь моей истории можно будет сделать пьесу, и ты сыграешь в ней главную роль.

– Да, и это будет бешеный успех, и мне предложат миллион миллионов за то, чтобы я снималась в фильмах, и мы с тобой будем жить в большом-большом особняке, – подхватила Джоди.

– А на что он похож, этот особняк? – спросила я. – У него есть башня? А можно, наша комната будет наверху той башни?

– Там все комнаты будут нашими, но, конечно, мы устроим одну особую комнату на самой вершине башни, только я не позволю тебе отращивать слишком длинные волосы, – она откинула в сторону одну из моих косичек. – Не хочу, чтобы ты вывешивала их из окна и позволяла забираться по ним в башню всяким злым старым ведьмам.

Тут Джоди толкнула меня в бок локтем. В последнее время Джоди часто спорила и ругалась с нашей мамой. Она часто называла ее ведьмой – и даже хуже (но это только себе под нос).

– Не волнуйся. Мои косички всегда будут аккуратно связаны. Ведьмам вход запрещен, – ответила я, хихикая. Правда, при этом мне было чуточку жаль маму.

– А как насчет прекрасных принцев?

– Вот это уж точно нет, – завершила я. – В Особняке с башней будем только мы с тобой и станем там жить вдвоем. Долго и счастливо.

Это было нашим обычным дурачеством, утренней игрой, хотя я относилась к ней серьезнее, чем Джоди. Я нарисовала наш воображаемый особняк без передней стены, наподобие кукольного домика, чтобы можно было изобразить каждую комнату. В них я нарисовала для нас с Джоди огромный черный плюшевый диван с двумя сидящими по его краям большими игрушечными черными пумами. Еще там были две настоящие черные кошки, которые лакали молоко из блюдец на кухне, и два живых, свернувшихся в своей корзинке, пуделя, и два черных пони, щипавших траву в загоне, устроенном позади нашего розария. Каждую розу в нем я раскрасила очень аккуратно, по отдельности, сделав одну темно-красной, другую просто красной, персиковой, очень бледно-розовой, желтой и белой. Я даже попыталась нарисовать отдельно каждую травинку и пыхтела над ними полчаса, пока у меня рука не заболела.

Еще я нарисовала нам кровать с балдахином с красными бархатными занавесками и рубиновую люстру, а одну из стен у меня целиком занял телевизионный экран. Еще у нас в подвале особняка был выложенный изумрудной плиткой бассейн (в нем плавали два ручных дельфина) и садик на крыше между башнями, где среди веток цветущих деревьев порхали дрозды и жаворонки.

В библиотеке я крошечными буквами написала на корешках название каждой книги и нарисовала каждую баночку и тарелку на кухонных полках. Я подарила нам с Джоди комнату для игр с батутом и трапедией, с музыкальным автоматом и одной из тех машинок, из которых с помощью специального приспособления можно выуживать маленьких плюшевых медвежат. Маленьких медвежат всех цветов радуги я тоже нарисовала, и еще полку с большими медведями в нашей с Джоди спальне, и еще полку со старомодными куклами, у которых настоящие волосы и стеклянные глаза, а еще прекрасного коня-качалку, достаточно большого, чтобы на нем можно было усесться вдвоем.

О нашем особняке я говорила с Джоди так, словно мы в самом деле со временем будем в нем жить. Порой я настолько живо представляла себе этот дом, что он казался мне настоящим. Я даже знала, где он стоит и как к нему попасть – для этого я просто должна вычислить, по какой дороге нужно выйти из города, затем завернуть за угол – и сразу увидишь башню особняка. Я увижу его, и вбегу сквозь красивые железные кованые ворота, и поднимусь по крыльцу к парадной двери с висящим на ней молоточком в виде львиной головы. Но стучать я не стану – я знаю, где нажать на львиную морду пальцем, чтобы дверь тут же распахнулась, и тогда я войду внутрь и увижу Джоди, которая уже здесь и ждет меня.

Нет, я не была настолько глупой, я знала, что Особняк с башней – выдумка, но мне на это было совершенно наплевать.

А затем настало утро, когда за завтраком все изменилось. Буквально все. Я сидела за кухонным столом и обкусывала сэндвич с медом. Я любила разлеплять сэндвич и слизывать мед, чувствуя, как он растекается у меня по языку, но делать это приходилось быстро и украдкой, пока не видела мама. Она у нас, знаете ли, очень строго следит за тем, как мы ведем себя за столом. Мама постоянно пристает к нам со своими придирками – сиди прямо, не греми ложкой, когда зачерпываешь из миски кукурузные хлопья, и так далее. Сегодня Джоди после маминих замечаний нарочно сторбилась еще сильнее, и начала стучать ложкой по фарфоровой миске так, что того и гляди расколется. Тогда мама схватила Джоди за плечи и начала трясти.

– Опять ты изводишь меня, упрямое маленькое ничтожество! – цедила мама, встряхивая Джоди на каждом слове – *трях, трях, трях!*

Джоди напрягла плечи, а голова ее резко качалась то вперед, то назад.

– Прекрати, ты делаешь ей больно, – встревожился папа, опуская свою «Дейли Экспресс».

– А мне не больно, – выдохнула Джоди, продолжая мотать головой, и вдруг запела припев из одной старой жутковатой песни – «Богемной рапсодии» Квинов¹: – Мама-а, ду-ду-ду-ду, – ну, то самое место, где все начинают раскачиваться и размахивать горящими зажимками.

– Прекрати паясничать! – крикнула мама. – Считаешь, что это забавно?

А папа вдруг начал хохотать и тоже трясти головой.

– Ты взаправду чокнутая, Джоди, – сказал он.

– Прекрати ее поощрять, Джо, – рассердилась мама. – Почему ты всегда становишься на сторону Джоди?

– Потому что я папина дочка, – ввернула Джоди и захлопала папе своими ресницами.

Что верно, то верно. В последнее время Джоди постоянно влипала в неприятности, потому что прогуливала школу и поздно возвращалась домой. Мама могла трясти ее сколько угодно, могла голову оторвать, но сладить с Джоди ей было не под силу. А вот папа иногда

¹ Песня «Bohemian Rhapsody» группы Queen. На русский язык часто ошибочно переводится как «Богемская рапсодия».

мог заставить Джоди и понуриться, и даже заплакать оттого, что она доставляет им с мамой столько хлопот.

При этом папа никогда не говорил о Джоди ни единого дурного слова.

Вот и сейчас он сказал:

– Это не ее вина. Хорошо, согласен, она всегда была слегка упрямой, но в общем-то она очень добрая малышка. Просто сейчас попала в дурную компанию, вот и все. А так она ничуть не хуже своих подружек по школе.

– По школе! Конечно! – продолжала бушевать мама. – Муркрофт – дрянь, а не школа. Ничему хорошему детей там не учат. Они растут настоящими дикарями. Половина из них уже имели неприятности с полицией. Это была наша самая большая в жизни ошибка – отправить Джоди в эту школу. Нашу дочь ждут большие, очень большие неприятности. Ты только посмотри на нее! На кого она похожа?

А по-моему, Джоди прекрасно выглядела. Раньше у нее были какие-то серенькие, мышинные волосики, заплетенные в жиденькие косички, а сейчас она покрасила их в темный оранжево-красный цвет с золотистыми кончиками – загляденье! И больше не заплетает косички, а завязывает волосы в чудесный конский хвост, а спереди носит челку, которую сама же и подстригает. Папа говорит, что Джоди похожа на банку с мармеладом, и шутит, что намажет ее как-нибудь себе на бутерброд, когда она отвернется. Мама же считает, что Джоди загубила свои волосы и теперь выглядит грубой и вульгарной. Джоди была в восторге, когда это услышала. Ей очень хотелось выглядеть грубой и вульгарной.

Джоди долго упрашивала маму разрешить ей сделать пирсинг на торчащих из-под волос ушах.

Мама ни за что не соглашалась, но в последний год Джоди совершенно вышла у нее из-под контроля и проколола уши без спросу. И не раз. Сейчас у нее в одном ухе было целых пять маленьких колечек.

– У тебя в ушах теперь больше дырочек, чем в дуршлагае, – заметил по этому поводу папа.

Мама же от каждой новой дырочки готова была сойти с ума.

– Да ладно, будет тебе, – успокаивал ее папа. – Это всего лишь маленькие симпатичные сережки. Это же не кнопка в носу и не тату.

– *Пока что*, – шепнула мне Джоди.

А насчет тату она уже ходила в салон, но там сказали, что она еще слишком мала. Тогда Джоди моими фломастерами нарисовала у себя на руках и ногах бабочек, и дроздов, и цветочные гирлянды. В нижнем белье, со своими красно-золотыми волосами, кольцами в ушах и фальшивыми тату моя сестра выглядела просто потрясно, но вот верхняя одежда у нее была в основном такой же скучной и девчоночьей, как у меня. На свои карманные деньги Джоди мало что могла купить. Так что одежду нам покупала мама – на свой вкус, разумеется. Папа мог бы дать Джоди денег, но не решался из-за мамы. Тогда Джоди наплела ему про свои неудобные школьные ботинки, которые натирают ей ноги, и папа дал ей сорок фунтов, чтобы она купила себе новые. И Джоди купила свою первую пару *настоящих* туфель – потрясающих, сверкающих, красных, на высоких каблуках – и цокала в них по дому, сияя от счастья. Мама была вне себя от ярости. Джоди дала мне примерить эти туфли. Каблуки оказались такими высокими, что я сразу же грохнулась и подвернула лодыжку, но это ерунда. В них я чувствовала себя Дороти, щеголяющей в своих рубиновых туфельках по страницам «Волшебника из страны Оз».

Сегодня утром Джоди была в корявых школьных башмаках и серой форме школы Муркрофт. Она сделала все возможное, чтобы как-то улучшить ее вид, – до предела укоротила юбку и приколола разноцветные значки к блейзеру. А еще нарисовала фломастером маленькие фигурки мультяшных героев на школьном галстуке. Мама начала было ворчать по

поводу испорченного галстука, но вдруг замолчала, услышав, как звякнула крышка нашего почтового ящика.

– Почта, Перл. Пойди принеси ее, детка.

Перл – это я. Мое имя означает «жемчужина». Когда я родилась, мама стала называть меня своей чудесной маленькой жемчужинкой, а потом мне дали это имя. Я появилась на свет недоношенной и первый месяц своей жизни провела в специальном инкубаторе. Весила я всего один килограмм и была такой маленькой, что, когда меня разрешили брать на руки, умещалась на одной папиной ладони. Родители очень беспокоились насчет того, как меня воспримет Джоди. Она была в то время маленькой девчонкой-сорванцом, то и дело отрывала головы своим куклам и пинала своих плюшевых мишек – но ко мне всегда относилась очень внимательно и нежно. Осторожно брала меня на руки, целовала мой крошечный сморщенный лобик, гладила мои мягкие жиденькие волосики и говорила, что я самая лучшая младшая сестренка на всем свете.

Я открыла почтовый ящик. Пришел каталог для мамы (она выписывала их все подряд – каталоги одежды, мебели, декоративных тарелок, копии фарфоровых кукол, одним словом, всего, что, по ее мнению, могло бы украсить наш дом и придать ему больше «шика»), и еще в ящике было письмо, адресованное мистеру и миссис Уэллс (это папа и мама). Настоящее, солидное письмо в конверте, а не какой-нибудь склеенный по краям счет.

Интересно, кто бы мог прислать им это письмо? Хотелось надеяться, что это не письмо от директора школы Муркрофт с жалобами на Джоди. Я знала, что раз-другой ее засекали, когда она курила со своими подружками, а еще они частенько удирали из школы во время ланча, чтобы купить чипсов, после чего редко удосуживались вернуться на уроки. На самом деле Джоди не нравилось курить, об это она сама мне говорила. От табачного дыма ее мутило и у нее кружилась голова. Еще Джоди призналась, что школьные чипсы лучше покупных – бледных, жирных, в пластиковых пакетиках, но она не хотела отставать от своих подружек, Мэри, Сиобан и Шейнис. Это три самые отъявленные оторвы в классе, где училась Джоди. Если они были на твоей стороне, можешь ни о чем не заботиться.

– Перл? – позвала меня мама.

Я сжала конверт в пальцах, прикидывая, нельзя ли сунуть его под школьный свитер, чтобы сначала распечатать над паром и прочитать вместе с Джоди. Но тут в холле появилась мама и увидела письмо раньше, чем я успела его спрятать. Она лишь мельком взглянула на каталог, хотя это был каталог ее любимых эмалированных расписных коробочек, сразу же схватила письмо и сунула палец под заклеенный край.

– Это и для папы тоже, – поспешно заметила я. Если это неприятное письмо, пусть его лучше прочтает папа, он всегда относился к Джоди мягче, чем мама.

– Тут написано «мистеру и миссис Уэллс», – возразила мама, распечатывая конверт.

В конверте было письмо и что-то вроде буклета. Я присмотрелась и успела прочитать слова «школа-интернат». Мое сердце забилося. Школа-интернат, школа-интернат, школа-интернат! О боже, они, кажется, намерились отправить Джоди в школу-интернат! Я этого не перенесу.

– Нет, мама! – воскликнула я пискнувшем от волнения голосом.

Мама тем временем внимательно читала письмо, слегка покачивая головой.

– Что – нет? – пробормотала она, продолжая читать.

– Не отсылайте Джоди из дома! – сказала я.

Мама посмотрела на меня и удивленно моргнула.

– Не говори глупости, – сказала она, возвращаясь с письмом на кухню. Там она помахала письмом перед папиным лицом и сказала: – Смотри, Джо, смотри! Здесь все написано – черным по белому!

– Чтоб мне провалиться! – ахнул папа.

– А что я тебе говорила? – торжествующе воскликнула мама.

Джоди отодвинула в сторону миску с хлопьями и поднялась из-за стола, надеясь, что этого никто не заметит.

– А ну сядь на место, Джоди, – сказала мама.

– Я в школу опоздаю, – ответила Джоди.

– Сейчас это неважно, – одернула ее мама. – *Сядь на место!* И ты тоже, Перл. Нам с папой нужно вам что-то сказать.

– Что еще? – спросила Джоди, неохотно присаживаясь на краешек своего стула. – Что вы разводитесь?

– Глупости не говори!

– У вас будет ребенок?

– Замолчи! Закрой наконец свой рот, хоть на пару секунд!

Джоди состроила гримасу, показывая, как сильно она сомкнула губы. Я повторила за ней то же самое.

– Перестаньте обезьянничать за своей сестрой, мисс! – вспыхнула мама. – Джоди, постыдись, какой пример ты подаешь? Это неприлично! Поверить не могу, до чего ты в последнее время распустилась.

– Вы собираетесь загнать ее в эту школу-интернат? – взвыла я.

– Какую еще школу-интернат? – растерянно спросила Джоди. – Вы что, решили от меня избавиться?

– Нет-нет, конечно же нет, – сказал папа. – Мы *все* туда отправляемся. Я получил новую работу. Точнее, мы оба – ваша мама и я.

Мы с Джоди уставились на них. Новую работу? Папа работал плотником в маленькой фирме, а мама служила официанткой в чайной «Дженни» напротив ратуши.

– Вы будете учителями? – недоверчиво спросила я.

Папа расхохотался:

– Боже, сохрани любого, кого я начну учить читать и писать! Нет-нет, лапочка. Я собираюсь стать школьным сторожем, а ваша мама – школьной поварихой. Мы увидели в газете предложение для семейной пары и, похоже, подошли им.

– Нам пора переехать, девочки, – сказала мама. – Мы хотим увезти вас в приличное место, где вы станете больше похожими на юных леди.

Джоди громко – совсем не как леди – шмыгнула носом:

– А нам и здесь все нравится, правда, Перл? И мы не хотим переезжать в какую-то поганую занюханную школу-интернат.

Я взяла школьный буклет и вздрогнула, увидев на нем цветную фотографию огромного серого здания Викторианской эпохи. Провела пальцем по его главной башне и маленьким боковым башенкам. Здание школы называлось Мельчестер Колледж, но выглядело точь-в-точь как Особняк с башней моей мечты.

– Взгляни! – сказала я, показывая фотографию Джоди. – Нет, ты только взгляни, Джоди!

Джоди взглянула и, прикусив губу, стала перебирать ряд маленьких колечек-сережек на левом ухе.

– Вот здесь мы будем жить? – спросила она.

– При школе есть специальная квартира для сторожа, – ответил папа.

– Дом старый, но в нем есть все удобства, – добавила мама.

– Значит, вы там уже были? Когда? – прищурилась Джоди. – И почему ничего нам не сказали? Решили все обстряпать потихоньку от нас?

– Ну-ну, никто ничего не обстряпывал, – сказал папа. – И в колледже мы с мамой не были. Просто прошли собеседование в одном лондонском отеле, пока вы обе были в школе. А ничего не говорили вам потому, что не хотели понапрасну обнадеживать. Сказать

по правде, я и не думал, что мы им подойдем. Я, конечно, неплохой столяр, но водопроводчик и маляр неопытный.

– Не скромничай, Джо, ты прекрасный столяр и вообще мастер на все руки. Лучшего и желать трудно.

– Нет-нет, я думаю, мы получили эту работу благодаря тебе, – ответил папа, похлопывая маму по руке. – Это ты произвела на них неотразимое впечатление на собеседовании, Шэрон. Как ты им с ходу составила меню, которое можешь приготовить! Это просто фантастика!

– А где находится этот... Мельчестер Колледж? И почему мне нельзя остаться в Муркрофт? Если надо будет ездить на автобусе, я согласна, – сказала Джоди.

– Нет, на автобусе оттуда не наедешься, это далеко, почти сотня километров отсюда, в пригороде, – ответила мама. – Так что и ты будешь учиться там, слава богу.

– Нет, не буду, – сказала Джоди. – Я остаюсь со своими подружками в Муркрофт.

– Ненавижу это слово – *подружки*, – отрезала мама. – Из-за них-то мы в первую очередь и переезжаем. Мне становится плохо, когда я думаю о том, как ты шатаешься повсюду со своей бандой и перенимаешь от них самые дурные привычки. Мы переезжаем, и немедленно, пока ты не начала серьезно готовиться к экзаменам на аттестат и пока Перл не перешла в среднюю школу. Вам, девочки, необходимо взяться за ум, и теперь для этого появилась прекрасная возможность, – мама погладила пальцами глянцевый буклет и медленно, с чувством, добавила: – Мельчестер Колледж.

Название колледжа у нее прозвучало торжественно и веско, словно какое-то волшебное слово, вроде «абракадабра».

– Мельчестер Колледж! – с издевкой повторила Джоди. – Отстой! Тут сказано, что в колледж принимают детей в возрасте от четырех до тринадцати лет. Интересно, кто посылает в школу-интернат четырехлетних малышей?

– Там не только интернат, есть и обычная школа. Между прочим, туда принимают далеко не всех. Колледж гордится своим уровнем преподавания, прекрасными условиями для учащихся и красивой окружающей природой, – процитировала мама то, что было написано в буклете.

– И что это означает? – спросила Джоди.

– Это означает, что Мельчестер Колледж – хорошая школа, – отрезала мама. – Послать туда своего ребенка стоит больших денег. Этот колледж – прекрасная возможность для вас обоих.

– То есть вы решили, что мы будем учиться там? – уточнила Джоди.

– В том-то все и дело, – ответила мама. – За последний год в Муркрофте вы совершенно ничему не выучились. Так что тебе придется заново, по-настоящему пройти восьмой класс.

– Я не стану париться лишний год в школе, да еще с малявками, которые все младше меня! – заявила Джоди.

– Зато, проучившись лишний год как следует, ты сможешь сдать общий вступительный экзамен и получить грант на обучение в одной из закрытых частных школ, – сказала мама.

– Что?! Мам, ты с ума сошла? Я не поеду. Ни за что! – Джоди уже не говорила, а кричала.

– Тихо, тихо, Джоди, послушай меня, – сказал папа. – Мы проведем там все летние каникулы, так что у тебя будет масса времени, чтобы обжиться. Когда мы переедем, тебе там понравится, я уверен.

– Нет. Не хочу. Ненавижу этот колледж. Я не еду. И вы меня не заставите. Не можете.

– Можем, не сомневайся. Все будет так, как мы скажем. Ты же наша дочь.

– Хотела бы я не быть вашей дочерью! Слушайте, а может, я не ваша дочь? Может, вы удочерили меня? Поэтому мы с вами такие разные и никак не притремся друг к другу, – завывала Джоди.

– Не заводись, Джоди, у меня уже мозги набекрень, – сказал папа. – Не пытайся все испортить. Как уже сказала мама, вам предоставляется прекрасная возможность. Мы думали, что вы будете в восторге, девочки.

– А мы вовсе не в восторге, правда, Перл? – сказала Джоди, глядя на меня.

Я беспомощно посмотрела на нее.

– Ты что, действительно хочешь поехать туда? – удивилась Джоди.

Я не знала, как мне быть. С одной стороны, я постоянно копировала Джоди, даже если это оборачивалось для меня неприятностями. Но с другой стороны, это не означало, что мы всегда одинаково мыслим, хотя и очень близки. Вначале Джоди и школу Муркрофт ненавидела. Первое время ее жутко дразнили за девчачьи косички, опрятную школьную форму и хорошие манеры. Кончилось тем, что Джоди коротко постриглась, сменила одежду, научилась грубить и дерзить, после чего подружки приняли ее в свою шайку, и с тех пор моя сестра стала превосходно себя чувствовать. Теперь кое-кто из младшеклассников стал откровенно ее побаиваться, и ей это нравилось. Честно говоря, я и сама побаивалась бы Джоди, не будь она моей старшей сестрой.

Про себя я знала, что не смогу по-настоящему прижиться в Муркрофте. Когда приближался сентябрь, а вместе с ним и начало нового учебного года, мне начинали сниться кошмары. Сейчас я училась в шестом классе, и если бы вы только знали, как меня донимали в этой школе! Я все еще была очень маленькой для своего возраста и выглядела совсем по-детски. Я хорошо училась и была первой ученицей в классе. Я была балластом в любой спортивной команде, зато постоянно читала какую-нибудь книжку. Я краснела каждый раз, когда учитель обращался ко мне во время урока. Я никогда не знала, что сказать или ответить своим одноклассникам. Одним словом, у меня на лбу словно было написано «Дразни ее!».

Мельчестер Колледж представлялся мне сейчас местом, где все ходят в опрятной школьной форме, прилежно учатся и стараются стать первыми учениками. И даже если в новой школе придется ой-ей-ей как вкалывать, мы с Джоди будем наконец жить не в воображаемом, а в самом что ни на есть настоящем Особняке с башней. А может быть, нам повезет и наша с Джоди комната окажется как раз на вершине этой башни! Вот было бы здорово!

– Ты не можешь хотеть поехать туда, Перл, – сказала Джоди.

– Мне кажется, могу, – пролепетала я в ответ.

– Ну, а я не хочу, – отрезала Джоди, складывая руки на груди. – Итак, ты едешь, Перл. Отлично. Но *меня* поехать туда никто не заставит.

– Я не могу ехать без тебя, – сказала я и заплакала.

– Ну вот, ты уже довела свою сестру до слез. Можешь собой гордиться, – вернула мама. – Ну почему ты всегда умудряешься все испортить, Джоди? Бедная маленькая Перл. Попроси у нее прощения, Джоди, иначе она все глаза выплачет.

– Я думаю, это вы должны у меня просить прощения за то, что пытались заставить ехать в эту идиотскую школу для выскочек. Я не еду. И решения своего не изменю даже через миллион лет, вот! – крикнула Джоди и выбежала из кухни, громко хлопнув дверью.

Но той же ночью, когда я, лежа в постели, вновь принялась плакать, Джоди вздохнула и нырнула ко мне под одеяло:

– Хватит реветь, глупышка. Скажи, Перл, ты в самом-самом-пресамом деле хочешь поехать в этот Мельчестер Колледж?

– Да. Но только вместе с тобой, – ответила я, шмыгая носом.

– Придет время, и тебе все равно придется обходиться без меня, – сказала Джоди, но тут же добавила: – Ну хорошо. Я тоже поеду. Просто для того, чтобы присматривать за тобой. Договорились?

– Ты правда поедешь в Мельчестер Колледж? – переспросила я, не веря своему счастью, и крепко обняла сестру за шею.

– Да. Ненавижу этот колледж, но поеду. Только ради тебя, – ответила Джоди. – А теперь кончай меня душить, откатывайся и спи.

Глава 2

Мельчестер Колледж. Любопытно было бы подсчитать, сколько раз мы произнесли эти два слова на протяжении нескольких следующих недель. Мама каждый день готовила на пробу что-нибудь из своего будущего школьного меню – пастуший пирог, бифштекс в тесте, мясной хлеб. Помимо этих довольно противных блюд, она делала и нормальные – пудинги, рулеты с джемом, пудинг с патокой и вишневый бисквит со взбитыми сливками. Все они получались у нее просто гениально. Отведав каждое мамино блюдо, папа целовал себе кончики пальцев от удовольствия и говорил «Вкуснятина!» и даже пытался напевать маме «Просто сногшибательно» – песенку из мультяшки «Пиф-паф ой-ой-ой». Мама хихикала и пританцовывала, шурша юбками и кружась на месте. Короче, они дурачились как подростки и вели себя совсем не так, как положено маме и папе.

Последнее время мама стала меньше придирается к Джоди, хотя буквально сорвалась с катушек, когда та ушла в четверг вечером с Мэри, Сиобан и Шейнис. Сказала, что они идут в молодежный клуб при церкви. Джоди обещала вернуться домой примерно в полдесятого, а явилась она, пошатываясь на своих красных туфлях с высокими каблуками, почти в полночь.

– Напилась! – взорвалась мама и ударила Джоди по лицу.

Я в это время, дрожа в своей ночнушке, сидела на верхней ступеньке лестницы и нервно обгрызала заусенец на большом пальце. Когда мама дала Джоди пощечину, я от неожиданности дернула заусенец зубами, и у меня из пальца пошла кровь. Больно было так, что из глаз полились слезы. А Джоди не заплакала, хотя, когда она пришла в нашу с ней спальню, одна щека у нее покраснела и даже слегка опухла.

– Ой, Джоди, ты в самом деле напилась? – спросила я, ожидая, что она начнет шататься из стороны в сторону, на все наткаться и падать, как это обычно делают комики, когда изображают по телевизору пьяных.

– Не так чтобы очень, – ответила Джоди, разглядывая себя в зеркале. – Правда, когда мы вышли из клуба, меня сильно штормило, но потом меня стошнило в канаву и мне стало легче.

– Неужели в церковном молодежном клубе, куда вас повела Шейнис, продают настоящее спиртное? – удивилась я.

– Держи карман шире! – усмехнулась Джоди. – Да не были мы ни в каком молодежном клубе. Мы были в «Рандеву», на настоящей тусовке, для тех, кому больше восемнадцати.

– Свистишь!

– А вот и нет, – и Джоди добавила, подражая маминому голосу: – И вообще, дорогая, следи за своей речью, ведь ты же едешь учиться в Мельчестер Колледж.

– Тсс, тихо ты, мама услышит! – хихикнула я. – Лучше расскажи, как там было, на вашей тусовке? Жуть, наверное, да? Ты танцевала с каким-нибудь парнем?

– Я танцевала с чертовой тучей парней, – ответила Джоди. – Их у меня было больше, чем у Шейнис и у всех остальных, и поэтому они увяли и ушли оттуда без меня. Мэри сказала, что я мочалка, потому что позволила тому парню целовать и обнимать себя.

– Не может быть! Как ты... Впрочем, неважно. А что за парень?

– А, не знаю. Он сказал, как его зовут, но я не расслышала, потому что там музыка грохотала. Марти, кажется. Или Барти. А может быть, Фарти?

– Джоди!

– Он запал на меня, и я позволила ему немного побалдеть, просто чтобы позлить Мэри, которая сама на него запала. Так и липла к нему. Кстати, она липла там ко всем подряд. Вообще-то я не прислушивалась к тому, что те парни мне говорили. Все равно чушь какую-

нибудь несли. Не люблю парней, которым ничего не нужно, кроме как потанцевать, поцеловаться да пообжиматься. О дружбе с такими и говорить не приходится.

– Я тоже не люблю парней, – сказала я. – Хотя некоторые девочки в нашем классе уже встречаются с мальчишками. А про меня говорят, что я еще слишком маленькая.

– Тогда и я тоже маленькая, потому что у меня нет парня, и заводить его мне совершенно не хочется, – сказала Джоди, сердито вытирая губы тыльной стороной ладони.

Затем она рухнула на свою кровать в чем пришла с улицы, даже туфли на высоких каблуках не скинула, и натянула одеяло до самого подбородка.

– Споки-ночи, душечка-жемчужечка, – сказала Джоди, закрывая глаза.

– Эй, погоди, ты ведь даже туфли не сняла!

Я наклонилась и стянула с нее туфли. Колготки у Джоди порвались, и через дырку наружу торчал большой палец. Это было прикольно. Я легонько пощекотала этот голый палец, и она сонно хихикнула в ответ.

– Прекрати. Иди сюда, Перл, – Джоди протянула руку и притянула меня к себе. – Ты совсем замерзла. Прямо снегурочка, – пробормотала Джоди, обнимая меня.

– У нас никогда не будет парней, правда, Джоди? Мы всегда будем жить с тобой вдвоем.

– В Особняке с башней, – сонно пробормотала Джоди.

– До сих пор не могу поверить, что мы будем жить в Мельчестер Колледже, – сказала я.

Я закрыла глаза и уютно угнездилась рядом с Джоди в ее теплой постели. Мне стало представляться, как мы с сестрой бродим вдвоем по окрестностям колледжа, устраиваем пикники на лужайке, купаемся в озере, собираем ежевику и клубнику в огороде...

Возле нашего дома нет ни садика, ни огорода, потому что весь задний двор занимает папина мастерская. В ней он проводит почти все вечера, хотя не думаю, что папа ходит туда работать. Или *только* работать. Там он заваривает себе чай, включает маленький переносной телевизор и подолгу смотрит его, наслаждаясь тишиной и покоем. Мама постоянно просит, чтобы папа сделал новую кухонную мебель, но у него почему-то никогда не доходят до этого руки. Он просто чинит какой-нибудь старый шкаф или полку, и все.

Я упросила папу сделать для меня кукольный домик. Я думала, это будет миниатюрный Особняк с башней, но папа соорудил маленький квадратный домик с четырьмя комнатками и шаткой печной трубой на крыше. Наружные стены домика папа аккуратно оклеил специальной бумагой, отчего они казались выложенными из красного кирпича. Я, конечно, поблагодарила, обняла и поцеловала папу, но, честно говоря, домик мне не понравился. Уродский и противный. Я попыталась обставить его комнатки маленькими кроватками, стульями и столами, пыталась разыгрывать в нем сценки с семейством своих розовых пластиковых человечков, но домик все равно оставался каким-то неживым, ненастоящим. Гораздо интереснее было играть с семьей бумажных кукол, которые жили у меня в старой картонной коробке из-под обуви.

Джоди никогда не хотелось иметь свой собственный кукольный дом. Когда она была маленькой, она попросила папу сделать для нее ракету. Дочкино задание казалось сложным, но папа взялся за него, потому что никогда не мог сказать Джоди «нет».

Пришел день, когда папа с гордостью вручил Джоди готовую ракету. Она была пустотелой, с маленькой открывающейся на петлях дверцей, с заостренным носом, покрашенная блестящей серой краской. Больше всего ракета напоминала большую деревянную рыбу. Джоди взяла ракету в руки и озадаченно уставилась на нее:

– Что это, па?

– Твоя ракета, солнышко, – ответил папа.

В отличие от меня, Джоди никогда не умела скрывать свои чувства. Она скривилась и запричитала:

– Но она же слишком маленькая. Я в нее не залезу! А я хотела слетать в ней на Луну!

– Глупая! Папа же не может сделать тебе настоящую ракету! – сказала мама.

Джоди разревелась. Мама стала над ней смеяться. Папе тоже все это показалось забавным. Меня там, разумеется, не было – я вообще еще не родилась, – но история с ракетой стала частью нашей семейной истории, чем-то вроде легенды или былины, если хотите.

Та ракета отыскалась на самом дне шкафа Джоди, когда мы собирали свои вещи, готовясь к великому переселению в Мельчестер Колледж.

– Моя ракета! – воскликнула Джоди, стирая с нее пыль своим старым носком. Она покрутила ракету в руках, затем размахнулась и запустила ее в воздух. Ракета взлетела вверх и с приятным громким звуком тюкнула своим заостренным носом потолок. Оставив в потолочной штукатурке небольшую вмятину, ракета стала возвращаться на Землю, и Джоди ловко подхватила ее одной рукой.

– Мы совершили взлет, полет, сделали короткую высадку на потолке и благополучно возвратились домой, – торжественно объявила она.

– Что за шум? – спросила мама, врываясь в нашу комнату с грудой нашей старой одежды в руках. – Что здесь происходит?

– Ничего, ма, – в один голос ответили мы с Джоди.

– Ну ладно-ладно, девочки, пошевеливайтесь. Разберите свои старые игрушки, разложите по картонным коробкам, а потом папа отвезет их в лавку к старьевщику.

Затем мама посмотрела на потолок и нахмурилась:

– Откуда здесь эта вмятина?

– Какая вмятина? – в один голос переспросили мы.

– Ну, вы! – сказала мама, но у нее было такое приподнятое настроение, что всерьез сердиться она не могла. Мама повернулась и ушла в свою спальню – мы слышали, как она по дороге мурлычет себе под нос «Просто сногшибательно».

– Не знаю, что оставить, а что выбросить, – сказала я, перебирая свои игрушки. – Я уже не играю со своими Барби и с бумажными куклами, и набор восковых мелков мне тоже вроде не нужен. Это все игрушки для маленьких. Но с другой стороны, и выбрасывать их мне жалко.

Джоди принять решение было намного легче. Ее старые игрушки по большей части были сломаны, старые Барби коротко подстрижены под скинхедов, руки-ноги отломаны, а на уцелевших конечностях красовались сделанные фломастером татуировки. Жизнь любимого медведя Джоди оказалась настолько полна приключений, что теперь его плюшевая голова висела на плечах на одной ниточке. Восковые мелки Джоди были безжалостно изгрызены и изломаны, а краски смешались в единую грязную массу.

– Джанк, джанк, джанкети джанк, – беззаботно напевала Джоди, ритмично, в такт песенке швыряя свои игрушки в черный пластиковый мешок для мусора.

Потом Джоди разошлась, и вслед за игрушками в мешок полетели кремовая сумочка и кремовые туфли-лодочки, ее розовое вязаное пончо, пышный белый купальный халат, расписанный цветочками стакан для зубной щетки, косметичка и розовый будильник в форме сердечка.

– Джоди! Ты оскорбишь мамины чувства, – заметила я.

– Она-то мои чувства то и дело оскорбляет, – ответила Джоди.

– Это же ее подарки.

– Ага, но все эти штуковины нравятся *ей*, а не *мне*.

– А мне кое-что из них тоже нравится, – сказала я. – Можно я возьму твой купальный халат, если он тебе больше не нужен?

– Да забирай, – ответила Джоди, со смехом набрасывая халат мне на плечи. – В нем ты похожа на белого медведя. Эй, мишка, хочешь рыбки?

Она прикинулась, будто кормит меня своей деревянной ракетой, а потом беззаботно швырнула ее в черный мусорный мешок. Но позднее, той же ночью, я слышала, как Джоди рылась в этом мешке – искала что-то. Я лежала в кровати не шелохнувшись, а на следующее утро в маленьком чемоданчике для вещей, которые Джоди решила сохранить, увидела скошенный серый нос ракеты – она лежала там рядом с красными туфлями.

Много дней мы прожили в окружении картонных коробок и ящиков, совершенно не помня, где что лежит, и, разумеется, всем то и дело вдруг позарез требовалась вещь, которая только вчера была упакована. Папы не было дома целыми днями, да и ночами тоже – он пытался доделать все книжные полки, шкафы для ванных комнат и прочие вещи, которые ему были заранее заказаны. А еще он устроил прощальную вечеринку со своими друзьями и вернулся с нее чуть не в слезах, все время повторяя, что это «такие парни, такие парни» и что они ему просто как братья.

А в воскресенье мы пригласили к себе настоящего папиного брата – дядю Джека, и тетюшку Полину, и двух наших маленьких кузенов, Эшли и Эйми. Пришла и наша бабушка, папина мама. Все они пожелали нам всего самого лучшего, а бабушка начала нудить, как ей будет скучно без нас, хотя когда бы мы к ней ни зашли, она всегда старалась поскорее выставить нас вон, особенно Джоди.

Мама со своими родственниками прощаться не стала – они не поддерживали отношения. Если маме случалось заговорить о них, она всегда презрительно хмыкала. А вот мы с Джоди с удовольствием встретились бы с другой бабушкой, которая «пила не просыхая», и с дедом, который всю жизнь сидел на пенсии, и особенно с дядей, который был «не от мира сего», но наша мама как ушла из дома в семнадцать лет, так больше туда не возвращалась.

Мама отработала последнюю смену в чайной «Дженни» и пришла домой с резной деревянной ложкой и красивым фартуком с вышитой на груди белой надписью «Суперповар». Ложку и фартук маме подарили постоянные посетители чайной.

Последние пару недель перед отъездом Джоди в школу вообще не ходила. Во-первых, все равно вот-вот начнутся каникулы, во-вторых, ей снова придется ходить в восьмой класс, но что самое главное – Мэри, Сиобан и Шейнис из подружек стали неприятельницами Джоди, поэтому разумнее было держаться от них подальше. Джоди говорила мне, что сейчас по утрам она бродит по городу, затем уходит на реку и там съедает ланч, который ей дает с собой мама, а потом гуляет по парку до тех пор, пока не придет время возвращаться домой. Много времени Джоди проводила возле детских площадок. Она вообще очень любит маленьких детей и умеет за ними ухаживать (на мне руку набила). Детишки тоже любят Джоди и сразу бегут к ней, как только увидят. Они виснут у Джоди на руках и просят или подбросить вверх, или покрутить, или раскачать на качелях, или помочь залезть и скатиться с горки. Мамы и нянечки тоже радуются приходу Джоди – они могут спокойно сидеть на скамейке и болтать друг с другом, пока она крутится с детишками, словно Мэри Поппинс на роликах.

– Когда вырасту, я, может быть, стану воспитательницей в детском саду, – счастливо улыбаясь, говорит Джоди. – По-моему, у меня есть к этому талант. Или стану няней. Или просто заведу кучу своих собственных ребятишек.

– А мне казалось, ты говорила, что никогда не выйдешь замуж, – сказала я.

– Говорила, – согласилась Джоди. – Но для того чтобы обзавестись кучей детишек, мужа иметь не обязательно, разве нет?

И она мне подмигнула.

– Вот бы мама взбеленилась, услышь такое! – сказала я.

– Мама готова взбелениться на все, что бы я ни сказала, – заметила Джоди.

– А вдруг она узнает, что ты прогуливаешь школу?

– Не узнает. Все равно мы отсюда уезжаем, так какое это имеет значение? – беззаботно сказала Джоди.

Джоди ни с кем прощаться не стала, да и я мало с кем попрощалась в школе – все равно настоящих подруг у меня там не было. попрощалась я только с нашей учительницей, миссис Ламберт, которая всегда очень хорошо ко мне относилась.

– Я так рада, что ты уезжаешь в эту школу-интернат, Перл. Для тебя это прекрасная возможность. Ты очень способная девочка. Я знаю, ты многого сможешь добиться, – миссис Ламберт выпрямилась и спросила, покачав головой: – А как твоя старшая сестра? Что она думает об этом переезде?

Я неопределенно пожала плечами.

– Мне всегда нравилась Джоди, хотя все считают ее несносной, – улыбнулась миссис Ламберт. – А что, может быть, именно в школе-интернате и она превратится в прелестную юную леди.

Она угадала мое желание слово в слово.

Глава 3

В день отъезда мы встали в шесть часов утра – все, даже Джоди. Последнее время мама пробовала готовить плотные завтраки – яичницу с беконом и сосисками, кровяную колбасу с жареной картошкой, мясо с тушеной капустой, – но сегодня мы получили по сэндвичу с мармеладом и по кружке чая, после чего занялись последними приготовлениями к отъезду. От папы при этом толку было мало, ему вдруг захотелось проверить свои инструменты, и он начал вытаскивать их из ящиков, разворачивать, осматривать, а потом снова заворачивать в пузырчатую пленку.

– Я просто проверяю, просто проверяю, – бормотал он в ответ на раздраженные крики мамы.

Я помогала маме упаковывать вещи на кухне и старалась все делать как можно быстрее, потому что знала, что ей хочется поскорее освободить кухню от вещей, чтобы напоследок отскрести пол. Все закончилось тем, что я уронила кувшин с молоком, который, грохнувшись на пол, разлетелся на тысячу белых с синим узором осколков и залил мне все носки.

– Наказание господне! У тебя не руки, а грабли, Джоди! – раздраженно воскликнула мама. Это вылетело у нее машинально – она привыкла ругать Джоди, а не меня. – А, это ты, Перл. Надо быть аккуратнее и внимательнее, детка.

Сама Джоди в это время прибирала ванную комнату – упаковала в коробку последние туалетные принадлежности, а затем отдраила ванну, раковину, унитаз и пол.

– Я потом проверю, – предупредила ее мама, – знаю, что ты оставишь там свинарник.

Но когда Джоди позвала ее и показала свою работу, мама только покачала головой:

– Ведь можешь, когда захочешь, Джоди. Блеск! Выходит, не такая уж пустая у тебя голова, а?

Мама была смущена и, кажется, даже слегка раздосадована, словно, идеально отдраив ванную, Джоди одурачила ее.

Тут в дом пришли двое грузчиков, и мама распорядилась, чтобы они первым делом освободили от вещей гостиную. Грузчики начали выносить вещи, а мама, буквально наступая им на пятки, принялась пылесосить пол. Затем мы с Джоди перешли вслед за грузчиками в большую спальню – помочь выносить всякую мелочь, пока они возьмется с тяжелой мебелью и коврами. Джоди закатала меня в ковер и назвала это жемчужным рулетом. Джоди прикалывалась, а грузчики – Большой Альф и Малыш Берни – смотрели на нас и гоготали. Вообще-то Большой Альф был ничуть не выше Берни, а Берни выглядел не моложе Альфа, просто у них были придуманы друг для друга такие клички.

– Тогда я Большая Джоди, а ты Малышка Перл, – сказала Джоди.

Грузчики опять рассмеялись и принялись болтать с Джоди, одновременно складывая кровать и обматывая зеркала пузырчатой пленкой. Джоди оторвала себе кусок пленки, усе-лась на край туалетного столика и принялась нажимать на пупырышки – они с треском лопа-лись.

Грузчики то и дело отпускали разные шуточки, и Джоди над ними смеялась. Я тоже смеялась, хотя больше половины шуток не понимала.

Открылась дверь, и в нее заглянула мамина голова.

– Джоди, что ты делаешь! – возмутилась мама. – Немедленно слезь со стола, ты его поцарапаешь! Перл, а почему у тебя все платье помялось? Чем ты занималась? – Она сердито посмотрела на Большого Альфа и Малыша Берни и исчезла. Когда мама ушла, грузчики принялись корчить рожи, Джоди тоже начала гримасничать. Потом парни вдруг стали к ней подкатывать.

– А ты плутовка, – сказал ей Большой Альф. – Через пару лет будешь девочка что надо!

– А по мне, так она и сейчас в самый раз, – заметил Малыш Берни. Он выпятил губы, сложив их как у рыбки, и зачавкал, будто хотел то ли поцеловать Джоди, то ли проглотить ее.

Почему-то эти парни резко мне разонравились, а Джоди только рассмеялась, тоже сложила рот как у золотой рыбки и тоже зачавкала. Я попробовала увести Джоди, сказала, что мне нужна ее помощь – обертывать пузырчатой пленкой мой кукольный домик.

– Ну так иди и упаковывай сама своих кукол, а Джоди здесь нам поможет, – грубовато сказал Малыш Берни.

Джоди соскочила с туалетного столика, сделала несколько танцевальных движений и поклонилась. Большой Альф и Малыш Берни заплодировали, а Джоди улыбнулась мне и сказала:

– Пойдем, Перл.

Мы с ней вышли из спальни – при этом Малыш Берни успел протянуть ладонь к Джоди, но та отпихнула ее движением бедер.

– Он ведь тебе не нравится, правда? – шепотом спросила я, когда мы оказались на лестничной площадке.

– Конечно, нет, – ответила Джоди.

– Тогда зачем ты с ним флиртowała?

– Потому что это прикольно, – сказала Джоди. – И перестань на меня *так* смотреть – совсем как мама. Ну а теперь пойдем, займемся твоим кукольным домиком.

Джоди ловко завернула кукольный домик в пузырчатую пленку, щелкнула на прощание несколько пупырышек и сказала:

– Готово дело!

– По правде сказать, я в него больше не играю, – вздохнув, сказала я, проводя пальцем по печной трубе. – И вообще с этим домиком наша с тобой новая спальня будет выглядеть слишком по-детски. А с другой стороны, не могу его выбросить. Папа сильно расстроится.

– Может быть, сумеем втиснуть домик в шкаф? – предположила Джоди. – Значит, ты хочешь, чтобы у нас с тобой была новая, клевая, модненькая, гламурненькая спальня? Без мягких пыльных медведей, без волшебных ламп и постеров со щенками?

Я замялась. Джоди рассмеялась. Она прекрасно знала, как я привязана к Эдгару, Алану и По – своим трем маленьким плюшевым черным медведям, которые весь день прятались в темной пещере у меня под подушкой, а ночью вылезали поиграть со мной. Джоди знала, что я боюсь темноты, даже когда лежу с ней в одной кровати. Поэтому мне необходима волшебная лампа-ночник, чтобы я всегда могла увидеть, если ночью кто-то станет ко мне подкрадываться. Еще Джоди знала, как мне хочется иметь щенка, но наша мама терпеть не может домашних животных и не разрешает завести даже хомяка. У меня был прекрасный постер, с четырьмя щенками белого пуделя. Постер висел у меня над кроватью, а всем щенкам я придумала клички – Мороженое, Сахарок, Соль и Картофельное Пюре.

– Картофельное Пюре? Что это за кличка такая – Картофельное Пюре? – фыркнула Джоди.

– Ну, мне хотелось каждого щенка назвать в честь какой-нибудь белой еды, а ничего другого мне не придумалось, – обиженно сказала я. – И вообще, по-моему, это очень хорошая кличка для белого щенка – Картофельное Пюре. Он и в самом деле очень похож на пюре.

Я решила, что Картофельное Пюре будет самым большим озорником и задирой, будет нападать на своего брата Сахарка и отталкивать своих сестер, Мороженое и Соль, от миски. Я доходила до того, что воображала, что щенки идут со мной на прогулку, и подзывала их, хлопая себя по коленкам. Правда, теперь, когда я подросла, это все прошло.

Мне казалось, что я вообще вышла из возраста, когда вешают постеры с белыми щенками, зажигают волшебные лампы-ночники и по ночам играют в кровати с плюшевыми медведями, но мысль о том, чтобы вышвырнуть все это в черный пластиковый мешок для мусора, была нестерпима.

– Не напрягайся, Перл, – сказала Джоди. – Конечно же, оставь все это себе. Поставишь лампу возле своей кровати, над кроватью повесишь постер с белыми щенками, а в кровать усадишь медвежат. Все будет как всегда.

– Но тогда наша спальня не будет гламурненькой, – возразила я.

– Почему не будет? Будет! Потому что там будем *мы с тобой!* – сказала Джоди, становясь в позу манекенщицы с журнальной обложки: грудь вперед, рука на бедре, голова томно повернута вбок. – Подойди, я из тебя тоже гламурную красотку сделаю!

Джоди выхватила из моего чемодана два носка и, скатав их в комочки, запихнула под мою футболку.

– Увеличение груди без всяких пластических операций и силикона, – торжественно объявила она. – А теперь, Перл, покажи, на что ты способна! Задай жару, старушка!

Я выпатила вперед свои носки, завилыла бедрами и зачавкала ртом, подражая рыбьим поцелуям Малыша Берни. Джоди так и покатила со смеху, схватила меня, но неудачно – мы обе потеряли равновесие и рухнули в мой открытый чемодан с одеждой.

– Боже, что за наказание! – воскликнула мама, просовывая голову в дверь нашей комнаты. – Чем вы тут занимаетесь? У нас нет времени валять дурака! Мы должны закончить паковать, прибраться дома и выехать отсюда до второго завтрака.

– Мы как раз укладываем вещи, мам, – сказала Джоди, утрамбовывая ногами мой чемодан.

– Занятная она у вас, – заметил Малыш Берни, который просунул голову в нашу дверь вслед за мамой.

– Она просто очень глупая маленькая девчонка, – сказала мама. – А теперь, я думаю, вам лучше вернуться к делу.

И Малыш Берни отправился назад в спальню помогать Большому Альфу вытаскивать гардероб.

– Что ты себе позволяешь? – зашипела мама на Джоди. – Не смей заигрывать с этим парнем и строить ему глазки!

– Это *он* строит мне глазки, – скромно возразила Джоди, вылезая из моего чемодана.

– Отправляйся в гараж и помоги отцу, – сказала мама. – Перл, приберись в этом свинарнике, а потом приходи помочь мне. Что это у тебя под футболкой? О господи, какой кошмар!

К тому времени, когда дом был освобожден от багажа и мебели, мы все порядком вымотались. Большой Альф и Малыш Берни отправились на свой ранний ланч, а мы с Джоди, взявшись за руки, пошли по дому, говоря каждой комнате «Прощай!». Как странно выглядит опустевший дом! Будто мы здесь никогда и не жили. Наверное, именно поэтому так приятно было время от времени наткаться на следы, которые все-таки от нас остались. Например, карандашные линии на косяке кухонной двери. Папа в каждый день рождения отмечал этими линиями наш рост – мой на правом косяке, Джоди на левом.

– Так мне тебя никогда не догнать, это нечестно, – говорила я.

– Правильно мыслишь, коротышка моя, – отвечала Джоди, сжимая мою руку.

Присмотревшись, мы стали замечать оставшиеся после нас следы почти повсюду. Правда, в основном это были следы Джоди – ее каракули шариковой ручкой и пятна краски

на обоях, царапины на дверях, которые она открывала ногами, выкрошившаяся штукатурка в том месте, куда попал школьный ранец, который Джоди однажды изо всех сил запустила в стенку, треснувшее стекло на окне, в которое угодил теннисный мяч, треснувшая доска – Джоди изо всех сил топнула по ней каблуком. Помню, как я испугалась тогда – мне показалось, что Джоди сейчас провалится сквозь пол как Каменный Гость.

Мы бродили по дому, находя все новые и новые следы, и взахлеб рассказывали друг другу историю каждого следа, легенду каждой трещины, миф каждой царапины. И не переставая смеялись.

– Зря смеетесь, – сказала мама, увидев, чем мы занимаемся. – Стыдно, Джоди, очень стыдно. Домовладелец решит, что мы держали у него в доме дикого зверя. Не думаю, что в итоге мы сможем получить назад наши пять сотен фунтов, которые внесли в залог.

– Каждый дом со временем обрастает царапинами, стареет и ветшает, – рассудительно заявил папа. Голос у него был придушенный, а глаза странно блестели, словно он готов был заплакать.

– Прости, папа, – серьезно сказала Джоди. – Вот накоплю денег и верну этот ваш залог из своего кармана.

– Ну-ну, – усмехнулась мама. – Свежо предание. Я думаю, что к тому времени, когда ты накопишь эти деньги, мы с папой будем уже на кладбище.

– Как только достаточно подрасту, начну работать по выходным, вот увидишь, – глядя ей прямо в глаза, процедила Джоди. – Я уже хоть сейчас могу наниматься сидеть с детьми, это мне раз плюнуть. Так что не горюй, папа. Пожалуйста.

– Нет-нет, разве я из-за тех денег горюю? Вовсе нет, детка. Просто я... Наверное, я нюни распустил, но... Короче, мне грустно отсюда уезжать. Мы были так счастливы здесь, все четверо.

Мы уставились на папу.

– Девочки мои, – вздохнул папа, раскрывая нам свои объятия.

– Ты сентиментальная старая колбаса, – сказала мама, но тут же быстро чмокнула его в щеку.

Папа обхватил маму, и меня, и Джоди. На секунду мы все тесно прижались друг к другу. У Джоди затряслись плечи. Сначала я подумала, что она смеется, но затем, слегка отодвинувшись в сторону, увидела, что она плачет.

– Джоди! – поразилась я, потому что никогда не видела ее плачущей.

– А теперь-то что? – удивилась мама. – Джоди!

– Не хочу, чтобы мы уезжали. Папа прав, здесь мы все были счастливы. Я не хочу ехать в Мельчестер Колледж.

– Не глупи, – сказала мама. – Там мы будем намного счастливее! Это наш золотой шанс. А теперь вытри глаза и возьми себя в руки, сумасшедшая, – тут мама посмотрела на меня и добавила: – О боже всемогущий, Перл! Ты что, тоже собираешься зареветь?

Я заплакала оттого, что почувствовала себя виноватой. Я знала, что Джоди согласилась ехать в Мельчестер Колледж только ради меня. А сейчас, пожалуй, мне и самой расхотелось туда ехать.

Повеселели мы все чуть позже, когда уже ехали в машине. Мама распаковала второй завтрак. Честно говоря, мы ожидали, что это снова будут сэндвичи с мармеладом, но мама приготовила нам сюрприз – появились жареные цыплята, пирог с ветчиной, яйца по-шотландски, сырная соломка и салат из помидоров, а на десерт – знаменитые мамины кексы, покрытые розовой глазурью и посыпанные маленькими серебристыми шариками. Такие кексы мама всегда пекла нам на день рождения, и именинница должна была съесть свой кекс с закрытыми глазами, загадывая в это время свое желание.

– Сегодня мы все можем загадать желание, – сказала мама, давая откусить от кекса папе, который продолжал вести машину.

– Хорошо, только я, пожалуй, глаза закрывать не буду, – сказал папа, с удовольствием откусывая кекс. При этом он притворился, что принял мамины пальцы за глазурь и признательно лизнул их.

– Отстань, чертенок, ты всю меня обслюнявил, – мама рассердилась, а на самом деле жеманно захихикала.

Взмахнув длинными пушистыми ресницами, Джоди закрыла глаза и в два приема расправилась со своим кексом. Прожевав и проглотив его, она открыла глаза и улыбнулась.

– Что ты загадала? – спросила я.

– Не скажу, а то не сбудется, – ответила Джоди.

– Ну скажи, ну пожалуйста, – заныла я.

– Нет, и точка, – отрезала она, облизывая пальцы.

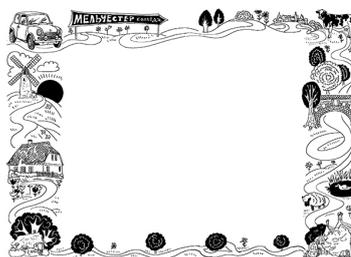
– А я за это скажу, что я загадала, – предложила я.

– Это я и так знаю, – сказала Джоди. – Не стану вдаваться в подробности, иначе твое желание не сбудется, но могу спорить, что в нем присутствуем ты и я и Мельчестер Колледж, а в конце – волшебная формула «они жили долго и счастливо».

Она угадала мое желание слово в слово.

– Вот это да! – ахнула я. – Значит, и ты загадала то же самое?

Джоди загадочно улыбнулась. Мне никогда не удавалось заставить ее сказать то, чего она сказать не хочет. Да и никому не под силу было узнать, о чем думает Джоди.

Она начала напевать какую-то глупую любовную песенку про желания, потом мы тоже присоединились к ней, и вскоре все вместе принялись дружно горланить древние хиты «АББЫ», «Битлз» и «Квинов», то есть любимые песни папы и мамы, причем мама не только пела вместе со всеми, но еще и подпрыгивала на своем сиденье, выделявая руками всякие штуки.

– Ну, ты даешь, мам! – сказала я. – Класс!

– Она всегда была такой маленькой бомбочкой на танцполе, – заметил папа.

– Нам с тобой нужно как-нибудь снова сходить на танцы, Джо, – сказала мама. – Ты ведь тоже неплохой танцор.

Мы с Джоди дружно вздохнули. Папа танцевал... как бы это помягче сказать... довольно оригинально. Размахивал руками как ветряная мельница и лягался ногами во все стороны.

– Может быть, в Мельчестер Колледж проводят балы, – съязвила Джоди, но мама приняла ее всерьез и ответила:

– По-моему, у них устраивают танцы в честь выпускников. Кажется, была такая фотография в буклете.

– Ну, мы-то с вами ведь не выпускники, – сказал папа. – Скорее новобранцы. Ну ладно, вскоре, как я понимаю, нам нужно будет сворачивать с шоссе, на развилке номер тринадцать. Шэрон, помоги мне, разверни карту и следи по ней.

Мама у нас знатный штурман, однако на этот раз мы, похоже, безнадежно заблудились. Мы ехали по каким-то проселочным дорогам, сначала время от времени проезжая мимо какого-нибудь сельского магазина, или церкви, или кучки домиков, но потом началась настоящая глушь – узкие пустынные просеки с нависающими прямо над головой ветвями и проникающий сквозь густую листву странный зеленоватый свет.

– Похоже на рисунок сказочной страны в одной из моих книжек, – сказала я, обращаясь к Джоди. – Смотри, какие узловатые наросты на стволах, как будто у этих деревьев проступили таинственные лица.

– А еще посмотри на их корни, они тянутся как руки, чтобы схватить нас, – замогильным голосом сказала Джоди и потянула ко мне свои руки. – О! Что это? Ты заметила ту маленькую сине-зеленую тварь, которая только что пролетела мимо нас? Смотри непусти ее в свое окно. У нее было такое злобное, жуткое лицо. Возможно, она хотела тебя ужалить.

Тут Джоди ущипнула меня, и я взвизгнула.

– Прекрати, Джоди, ты пугаешь свою сестру, – резко сказала мама.

– Нет, на самом деле я нисколько не испугалась. Мы просто играем, мам, – ответила я.

– Ну все, замолчите обе, вы действуете мне на нервы, – распорядилась мама и переключилась на папу: – Джо, мне кажется, эта дорога ведет на край света. Это не та дорога, которая нам нужна. По правде говоря, это вообще не дорога, а какая-то тропинка посреди травы. Я думаю, нам нужно повернуть назад.

– Нет, давай посмотрим, куда она нас приведет, – возразил папа. – К тому же прямо здесь я все равно не развернусь, места не хватит. В кювет завалимся.

– *И бесстрашная семья помчалась во мрак сквозь ночь и весь следующий день, все дальше, и дальше, и дальше по узкой извилистой дороге, у которой нет и никогда не было конца,* – наигранно трагическим, как в индийских фильмах, тоном произнесла Джоди.

– Заткнись, – посоветовала я ей и легонько ткнула локтем в бок.

Конечно, я понимала, что Джоди шутит, но мне все равно стало страшно – а вдруг так оно и есть на самом деле?

– Не смей говорить «заткнись», Перл, это слишком грубо. Скажи лучше «замолчи». А ты, Джоди, в самом деле замолчи. Мы все от тебя уже устали.

Джоди изобразила, как она умолкает – заткнула себе в рот воображаемый кляп, от которого вполне реально вытаращила глаза.

Мы ехали и ехали – по лесной дороге, по проселочной дороге, потом еще по одной дороге, которая, извиваясь, поднималась по склону холма. Нашу машину раскачивало из стороны в сторону, все вокруг мелькало и кружилось, будто едешь на карусели.

– Шез, взгляни-ка еще раз на карту, – попросил папа. – Ты права, мы куда-то не туда заехали.

– Я не могу, меня мутит от этих бесконечных поворотов, – простонала мама.

– Джоди, тогда ты посмотри, – сказал папа. – Ты же хорошо умеешь читать карту, детка? Джоди молчала.

– Джоди! Отец тебя спрашивает! – обернулась к ней мама.

– Мм, – промычала Джоди, указывая на свои губы.

Разумеется, мама уже сто раз забыла о том, что велела Джоди замолчать. Она шлепнула атлас дорог на колени Джоди и постучала ей по плечу:

– Не дерзите, мисс! О боже! Как мне нехорошо! Меня сейчас вывернет. Джо, ты можешь остановить машину?

И тут Джоди взвыла, указывая рукой вперед.

– Ну, что на этот раз? – страдальческим тоном сказала мама. – Джо, останови машину, я больше не могу.

Папа остановил машину на вершине холма и тоже закричал, указывая пальцем:

– О боже!

Я наклонилась вперед, вклинилась между мамой и папой и тоже увидела. Внизу под нами стоял Мельчестер Колледж.

Глава 4

Он сверкал на солнце как настоящий сказочный дворец. Справа и слева в окружающей колледж зелени виднелись другие дома, но он гордо высился над ними. Силуэт Мельчестер Колледжа четко вырисовывался на фоне неба всеми своими куполами, главной башней и маленькими башенками.

– Красота! – воскликнула мама. Она глубоко дышала, прикрывая рот ладонью.

– Тебя не стошнит, как ты думаешь? – спросил папа.

– Я о таком и не мечтала, – продолжала мама. Она икнула и сказала: – Прошу прощения... Это для всех нас начало новой жизни.

– Он даже лучше, чем наш Особняк с башней, – сказала я Джоди. – Такой красивый! Джоди протянула руку и крепко сжала мою ладонь:

– Я рада, что он тебе нравится, Перл.

– А тебе? Он и тебе *должен* был понравиться.

– Ага, классный. Если тебе нравятся такого рода вещи.

– Как ты думаешь, нам действительно может достаться спальня в башне?

– Будем надеяться, – кивнула Джоди.

– Что за глупости, девочки, – перебила нас мама. – У нас будет собственная квартира.

В полуподвале.

– Жилье для прислуги? – уточнила Джоди.

– Нет, квартира со всеми удобствами. И мы с папой не прислуга, мы менеджеры, – сказала мама.

– Кто вы? – переспросила Джоди. – Повтори, мам, я не расслышала.

– Джо, как официально называется твоя должность? – спросила мама.

– Менеджер по ремонтным работам, – сказал папа и добавил, показав Джоди язык: – Вот так-то, мисс! Теперь я сам стал большим боссом.

– А я менеджер по питанию и питью, – сказала мама. Слово «менеджер» она произносила с особым, почти благоговейным придыханием. – Так что мы с папой теперь менеджеры, поняла, Джоди? У меня даже будет в подчинении свой штат – две девушки, которые станут мыть посуду и помогать мне готовить.

– Почему будет? Такой штат у тебя уже есть – мы с Перл.

– Нет, ваша задача здесь – собраться, максимально воспользоваться счастливым случаем, который вам выпал, приобрести хорошие манеры и трудиться не покладая рук, – сказала мама.

– Есть, Пи-Пи менеджер! – по-военному отсалютовала Джоди и расхохоталась.

– Ты переходишь допустимые грани, девочка моя, – строго посмотрел на нее папа. – Впрочем, мы все сейчас слегка на взводе. Ну ладно, девочки, наш вагончик трогается!

Он завел машину, и мы покатали по крутому склону холма к колледжу. Пока мы подъезжали к нему, я все сильнее стискивала руку Джоди. К колледжу вела единственная обсаженная деревьями дорога – других дорог и жилья вокруг не было.

– Хотелось бы знать, далеко ли отсюда до ближайшей деревни, – сказал папа. – Пожалуй, черта с два найдешь тут поблизости паб, где можно посидеть за кружкой пива. А продукты – откуда они возьмутся, Шез?

– Перестань называть меня Шез. Идиотское прозвище. Зови меня здесь просто по имени – Шэрон. А продукты... Для этого существует служба доставки, глупенький ты мой, – сказала мама.

– А куда мы будем ходить? – спросила Джоди.

– Не понимаю, что ты хочешь сказать, – рассеянно ответила мама, глядя на Мельчестер Колледж словно на небесное видение. Она была все еще бледной из-за того, что ее укачало в машине, и постоянно вытирала лоб бумажными платками.

– Ну, куда мы будем ходить в кино, например? Или в «Макдоналдс»? Или просто по магазинам? – высоким от напряжения голосом уточнила Джоди.

– Думаю, что смогу возить вас в ближайший город по субботам, – быстро сказал папа.

– А как же я буду встречаться с подругами? – спросила Джоди.

– Твои подруги будут здесь, в колледже, – безмятежно объявила мама. – У тебя в Мельчестере появятся прекрасные новые подруги.

– Не появятся, – сквозь зубы пробормотала Джоди. – Я не стану дружить с местными задери-нос-выскачками. Да еще малолетними.

– Джоди! – воскликнула мама.

– Эй, эй, она слегка взволнованна, вот и все. Нам всем выпал счастливый случай, и мы все слегка взволнованны, – поспешил вмешаться папа. У него голос тоже был взволнованный, и к тому же озабоченный. – Честно говоря, я тоже не предполагал, что здесь такая глушь. Как на острове.

– А я нахожу, что здесь прекрасное местечко, – сказала мама.

– Да-да, конечно, прекрасное, – обреченно кивнул папа.

Мы подкатили к огромным воротам, за которыми начиналась длинная, посыпанная гравием подъездная дорожка к дому. Ворота были красивые, кованые, в точности такие же, как в моем воображаемом Особняке с башней.

– Сезам, откройся! – воскликнул папа.

Ворота от его возгласа не открылись. Папа нажал на клаксон и громко загудел. Если папа надеялся, что в ответ на его гудок из ниоткуда волшебным образом появится сторож и отопрет ворота, то он ошибся. Мы сидели в машине и смотрели на запертые ворота. Они были прикреплены к очень высокой, уходящей далеко влево и вправо изгороди, сделанной из частых железных прутьев в форме пик.

– Возможно, это знак судьбы, страшное предзнаменование, – замогильным голосом завела Джоди. – Мы нежеланные гости в этой стране теней. Давайте лучше развернемся и поедem домой.

– Прекрати дурачиться, Джоди. Наш дом теперь здесь, – сказала мама.

– Но нас не хотят впускать, – не унималась Джоди. – Разве только через забор махнуть. Но будет очень больно. Зачем кто-то приспособил к этим прутьям такие острые наконечники?

– Это школа, – пояснила мама, начиная раздражаться. – Забор нужен для безопасности. Чтобы никто из злоумышленников не проник снаружи.

– А может, для того, чтобы никто из учеников не совершил отсюда побег, – мрачно продолжила Джоди. – Это не школа, а тюрьма какая-то.

– Ладно, тюрьма не тюрьма – как нам внутрь-то попасть? – сказал папа. Он еще погудел клаксоном, а затем вылез из машины, подошел к воротам и потряс их. Ворота задребезжали, но не стронулись с места. Зазвенел висевший на цепи замок.

– Заперто, – сказал папа.

– Позвоним в школу и попросим, чтобы кто-нибудь пришел и открыл их, – потянулась за своим мобильником мама.

– А может, они заперты потому, что начались каникулы и в школе никого нет? – предположила Джоди. – Смотрите, вокруг ни души.

Действительно, куда ни кинь взгляд, было совершенно пусто.

– В школе сейчас масса народу. Я буквально вчера разговаривала по телефону с секретаршей, – возразила мама. – Она сказала, что нас здесь ждут. Секретарша знает, что мы приедем. И еще фургон с нашими вещами.

Мама порылась в своей сумке и нашла письмо с адресом и телефонами школы.

– Может быть, Большой Альф и Малыш Берни опередили нас и приехали сюда давным-давно, когда ворота еще были открыты, – принялась на ходу сочинять Джоди. – Мы думали, что они простые грузчики-перевозчики, а на самом деле они сумасшедшие, повернутые на убийствах маньяки. Они припарковали свой грузовик, потом вошли в раж, вооружились нашей кухонной утварью и стали убивать всех подряд. Наносили смертельные удары нашими сковородками, протыкали насквозь вилками и штопором. Было все – и брошенные в кусты истекающие кровью маленькие мальчики, и задушенные собственными шарфами секретарши, и расплющенный в блин директор школы.

Мама отняла от уха мобильник и резко захлопнула его крышку:

– Не отвечает.

– Вот видишь, – сказала Джоди.

– А тебе по губам надо дать, – ответила мама. – Я же слышала, как ты сказала... то слово.

– *Какое* еще слово? – удивилась Джоди. – *Блин*, что ли? Так это было не ругательство, а точное описание того, во что превратился директор. Он слышал твой звонок и пытался из последних сил ответить на него, барахтаясь в луже собственной крови и расплющенный как блин. Все четко? Ну вот, он даже ухватился рукой за телефонный провод, но дотянуться до трубки уже не смог и рухнул замертво, и кровь алым фонтаном хлынула из его расплющенного как блин рта.

– Джоди!

– Кровь стекала вниз по лестнице, и залила коридоры, и добралась до парадной двери, и просочилась на белые мраморные ступени крыльца.

Я поежилась и, прищурившись, стала всматриваться в ступени крыльца.

Я понимала, что Джоди молотит чушь, но... А вдруг? Но парадная дверь колледжа распахнулась – нет, это был не умирающий, раскатанный в блин и залитый кровью директор, а крупная полная женщина с очень большой собакой.

Папа тоже увидел ее и яростно налег на клаксон.

– Прекрати, Джо! – воскликнула мама, затыкая пальцами уши.

– Это же секретарша, мисс Френч, одна из тех, кто был на том собеседовании. Я заставлю ее услышать, – и папа вновь нажал на клаксон.

– Она решит, что ты грубиян и невежа, – заявила мама, выбираясь из машины. – Я сейчас окликну ее. Мисс Френч! Мисс Френч! Простите за беспокойство, но нам нужно, чтобы вы открыли ворота!

Мама кричала на верхних нотах, но при этом старалась сохранить свой аристократический, как ей казалось, акцент, поэтому голос у нее звучал так, будто ее душат.

– Мисс Френч и ее адский пес! – хихикнула Джоди. – Мы еще услышим, как он завывает по ночам, сидя на цепи. А потом он учует наш свежий девичий запах и сорвется с цепи, и мы услышим, как он клацает когтями, подкрадываясь по коридору к двери нашей спальни.

– Нет, ему придется плыть по коридору в море крови, – возразила я. Мне очень хотелось, чтобы Джоди замолчала.

Я всегда считала, что люблю собак, но этот пес выглядел очень уж громадным, даже издали. Мисс Френч, очевидно, услышала маму и папу, потому что двинулась в нашу сторону. Пес оторвался от нее и побежал вперед. Идти мисс Френч было довольно далеко. Она шла и размахивала руками, подавая нам странные знаки.

– Возможно, нас заманивают в ловушку, – прокомментировала Джоди.

Когда мисс Френч подошла немного ближе, мы услышали, как она кричит:

– Просто поверните!

– Повернуть? – растерянно переспросила мама, глупо оглядываясь по сторонам в поисках, куда бы ей повернуть.

– *Повернуть?* – удивился папа. – О боже, какой же я болван!

Он дернул замок, и тот отлетел, потому что вместе с цепью был просто прикреплен к одной из стоек. Потом папа взялся за красивую резную ручку, повернул ее, толкнул, и ворота открылись. Папа густо покраснел и почесал в затылке.

– Ох, Джо, Джо! – вздохнула мама. – Что она теперь о нас подумает?

– Как же я такого дурака сваял! – продолжал удивляться папа.

А мисс Френч тем временем подошла совсем близко и уже не размахивала руками, а покачивала головой.

– О, мисс Френч, прошу прощения. Вы, наверное, решили, что мы законченные идиоты, – смущенно пробормотала мама.

– Все нет, – поспешно, но, по-моему, не слишком уверенно ответила мисс Френч и прикрикнула: – Сидеть, Шеп, сидеть!

Ага, будет это чудовище сидеть. Шеп пританцовывал на всех четырех лапах и злобно облаивал папу, показывая свои неприятно острые клыки.

– Привет, парень. Хороший пес, – нервно и неискренне сказал папа.

Я решила укрыться в машине. Шеп был с меня ростом, а сильнее, наверное, раз в пятьдесят. Жуткий, дикий, настоящий волк, а не собака. А вот Джоди как ни в чем не бывало вышла из машины и присела, раскинув руки в стороны. Шеп перестал крутиться возле папы и рванул к Джоди, буквально бросился ей в объятия и принялся вылизывать мою сестру так, словно она была миской с мясными обрезками.

– Сидеть, Шеп, – сказала мисс Френч. – Ты оглох, что ли, пес сумасшедший?

– Смотри, как бы он тебя не укусил, Джоди, – предупредил папа.
– Не укусит, – ответила Джоди, продолжая обниматься с ужасной баскервильской собакой. – Ты же не кусаешься, правда, дружище?
– Не давай ему лизать свое лицо, дорогая, – напряженным тоном сказала мама.
– Он меня просто умывает, – ответила Джоди.
– Вы очень понравились Шепу, юная леди, – сказала мисс Френч. – Но тем, кто побаивается собак, он может показаться слегка назойливым.

Она посмотрела на меня, а я по-прежнему сидела в машине, так что мисс Френч видела только мое лицо и цветную ленту в волосах. Я подумала, что она может заблуждаться относительно моего возраста.

– Иди поздоровайся со стариной Шепом, деточка. Он дружелюбный старый пес, – сказала мисс Френч тем громким и ласковым тоном, каким взрослые обычно разговаривают с малышами.

– Выходи и поздоровайся с мисс Френч, Перл, – сказала мама.

Я вылезла из машины, чувствуя себя смущенной и глупой. Я по-прежнему боялась Шепа. Он принялся облаивать меня, вырываясь из рук Джоди. У меня под футболкой гулко забилося сердце – тук-тук-тук!

– Не бойся, Перл, он тебя не тронет, – сказала Джоди. – Разве что залижет до смерти.

Мисс Френч рассмеялась. Мама и папа тоже рассмеялись, но как-то неуверенно. Мне показалось, что они смеются надо мной. Я постаралась взять себя в руки. Потянулась дрожащей рукой погладить Шепа. Он оскалился и зарычал. Я взвизгнула и отшатнулась.

– Он с тобой просто играет, – сказала мисс Френч.

Шеп очень серьезно посмотрел на меня.

– А вот твоя сестра ни чуточки его не боится, – сказала мисс Френч.

– Забирайтесь-ка лучше назад в машину, девочки. Обе, – сказал папа. – У нас еще масса дел, скоро приедет фургон и нужно будет распаковывать вещи.

– О, ваш фургон прибыл больше часа назад, – беззаботно заметила мисс Френч. – Рабочие уже почти закончили разгрузку. Если вы обогнете большой дом, увидите машину на заднем дворе, как раз рядом с дверью вашей квартиры. – Она посмотрела на Джоди, которая пыталась отлепить от себя Шепа, но тот никак не желал отлепляться и настойчиво толкал ее своей громадной тяжелой головой. – Может, хочешь прогуляться со мной и Шепом, Джоди, пока твои родители освоятся на новом месте? Ты хорошо умеешь кидать мяч?

– Лучше всех на свете, – ответила Джоди.

– Не задавайся, Джоди, – предупредила мама.

– Хорошо, тогда можешь покидать мяч Шепу. Посмотрим, сумеешь ли ты как следует погонять старичка, – сказала мисс Френч. – Пойдем.

Мисс Френч выудила из своего кармана изжеванный старый мячик и бросила его Джоди. Джоди ловко поймала его одной рукой и зашвырнула далеко-далеко. Шеп сорвался с места и помчался за мячиком.

– Веди себя хорошо, Джоди! – крикнула мама помчавшейся вслед за Шепом Джоди. – И не надоедай мисс Френч, у нее, наверное, много дел.

Джоди махнула рукой, давая знать, что все поняла, но не обернулась. Мисс Френч двинулась следом за Джоди и Шепом и тоже не удосужилась оглянуться.

– М-да, – покачала головой мама.

– Наша Джоди явно сумела произвести сильное впечатление, – заметил папа.

– Полагаю, что да, – согласилась мама. – А она странная женщина, эта мисс Френч, правда?

– По-моему, нормальная, – ответил папа. – Дружелюбная.

– Мм, – сказала мама. – Похоже, она о себе очень высокого мнения. Распоряжается налево и направо, а кто она такая? Всего лишь секретарша, если разобраться.

– Какая уж есть, чего там, – ответил папа, забираясь в машину и включая двигатель. – А вот я чувствую себя полным идиотом из-за того, что не сообразил, как открыть эти ворота. Что она теперь обо мне подумает, если я, как предполагается, должен стать здесь главным мастером на все руки?

– Знать про то, как открываются ворота, мы были не обязаны, – проворчала мама. – Мне не нравится, что она увела от нас Джоди. Интересно, когда она собирается ее вернуть?

– Может быть, мисс Френч злобный пришелец, а Шеп – ее робот, которого запрограммировали на то, чтобы похитить Джоди. Как только они скроются из глаз, они трансформируют Джоди, и она тоже станет пришельцем, – принялась фантазировать я.

Папа хмыкнул и взялся за руль, а мама уставилась на меня:

– Прекрати выдумывать свои глупые ужастики, Перл. Этой чуши мы уже вдоволь наслушались от Джоди.

– Да пусть себе придумывает, Шез... э... Шэрон. Давай, Перл, продолжай.

– Не поощряй ее. А ты, Перл, если хочешь сочинять истории, научись рассказывать о чем-нибудь приятном.

Я скорчилась на заднем сиденье и стала придумывать – про себя – историю о девочке, которую звали Жемчужинка. Сначала она всего боялась, но потом нашла волшебное кольцо с жемчугом и в тот момент, когда надела его себе на палец, овладела магической силой и больше никогда ничего не боялась, особенно животных. Она стала их повелительницей. Львы ластились к ней, тигры терлись о ее ноги, слоны шекотали ей шею своими хоботами, а жуткие страшные волки завывали наперебой, упрашивая, чтобы она обратила на них внимание.

Так я развлекала себя, пока наша машина медленно катила по хрустящему гравию все ближе и ближе к Мельчестер Колледж. Папа следил за дорогой, а мы с мамой выворачивали шеи, чтобы лучше рассмотреть огромное серое здание в готическом стиле.

Мы смотрели на него с благоговейным страхом. Но вот машина завернула за угол, и здание сразу же перестало казаться таким уж величественным и роскошным. На заднем дворе стояли деревянные строительные леса, лежали штабели кирпичей, несколько окон были заколочены досками. В ряд выстроились вагончики-подсобки, там и тут в самых неожиданных уголках приютились маленькие сарайчики. На небольшой стоянке находилось несколько припаркованных машин. Здесь же был и наш фургон с открытой задней дверью, из которого Большой Альф и Малыш Берни, балансируя на мостках, выносили сейчас мамин туалетный столик.

– Осторожнее с позолоченными ручками! – воскликнула мама, выскакивая из нашей машины.

Мы с папой вылезли вслед за ней и принялись озадаченно осматриваться. В таком странном окружении Большой Альф и Малыш Берни казались нам старыми друзьями.

– Припозднились вы, однако, приятель, – весело крикнул папе Большой Альф. – По какой дороге добирались? Через Шотландию, что ли?

– Очень смешно, – ответил задетый за живое папа. – Нет, просто не спешили, чтобы не мешаться у вас под ногами.

Зато мама с успехом уже начала это делать. Она пошла вслед за Большим Альфом и Малышом Берни по узким ступенькам, которые вели в полуподвал:

– Нет-нет, этот столик несите не в гостиную. Он должен стоять в спальне, это часть моего спального гарнитура. Эй, друзья, зачем вы поставили хороший шкаф на кухню, а не в гостиную?

– А мы подумали, что это ваш кухонный шкаф, голубушка, – ответил Малыш Берни. – Он здесь отлично смотрится.

Вся наша мебель смотрелась ужасно, даже поставленная в правильную комнату. Да и квартира, в которую мы приехали, вовсе не была похожа на настоящую квартиру. В ней было несколько маленьких комнатушек, двери которых выходили в общий длинный и темный коридор. Окна в комнатухах были, но свет они почти не пропускали. Когда мимо окон проходили Большой Альф и Малыш Берни, мы видели только их башмаки. Пол был покрыт древним серо-зеленым линолеумом в пятнах, стены окрашены желтоватой краской, как в больнице. Даже самая большая комната была слишком маленькой. В ней стоял телевизор, возле него, почти вплотную, приткнулись наш диван и кресла, да еще притулился стол, заваленный коробками, в которых были упакованы книги, диски DVD, настенные картинки и украшения. В задней стене нашей новой гостиной была ниша с кухонной плитой и крошечной раковиной.

– И вот *здесь* наша мама будет готовить? – спросила я.

– Не говори глупости, Перл. У меня будет настоящая, большая, профессиональная кухня. А это только для нас, – ответила мама.

Эта кухонька была убогой и тесной даже для нас четверых.

– Если убрать шкаф, она будет выглядеть просторнее, – сказала мама. – Альф, Берни, вы могли бы передвинуть этот шкаф на другую сторону?

– Могли бы... возможно, – ответил Малыш Берни.

– Вообще-то мы так не договаривались, – сказал Альф. – Вы не сказали, что ваша берлога будет под лестницей в подвале. И переставлять здесь мебель не входит в наши обязанности. Мы должны были довести мебель в целостности и сохранности и разгрузить ее. Мы это сделали. А расставлять – это уж ваша проблема.

– Ну будьте людьми, парни! У меня спина болит, – принялся упрашивать грузчиков папа. – Ну переставьте вы всего один этот шкаф, а? Видите, как разволновалась моя жена. Вы же знаете женщин – за ними все всегда приходится переделывать.

Мама сердито покосилась на папу и принялась тяжело вздыхать, хотя Альф и Берни сменили гнев на милость и начали передвигать шкаф. Когда они закончили, она даже не сказала им спасибо, просто кивнула, ухватила меня за воротник футболки и потащила смотреть спальни.

Они располагались очень тесно друг к другу. Ясененько: если нам с Джоди нужно будет посекретничать, придется разговаривать шепотом.

Обе спальни были оклеены желто-розовыми обоями, в обеих на окнах висели уродливые желто-зеленые занавески. Мне сразу вспомнилась глупая песенка, которую мы когда-то распевали в школе: *«Желтый – зеленый, желтый – зеленый, мама спешит, меня сейчас стошнит»*. Ковер на полу тоже был зеленый, только более темный, почти оливковый. Мама потерла ковер ногой, будто от этого он мог сменить свой цвет.

– Обои сменим, занавески тоже, – сказала мама, щупая их. – Думаю, это нетрудно будет сделать на швейной машине. Должна же в школе быть швейная машина?

Я оглядела маленькую комнатку. Она была в сто раз хуже нашей с Джоди спальни на старой квартире. Какое разочарование! А я-то воображала, что мы будем жить в роскошных просторных комнатах с шелковыми обоями, высокими потолками и огромными окнами с бархатными шторами. Я даже о люстрах мечтала. Эх, мечты, мечты...

– Мы все устроим как надо, и у вас станет уютно, – сказала мама, но по ее тону было заметно, что она разочарована не меньше, чем я. Она озадаченно прикусила нижнюю губу, и в эту секунду вдруг стала похожа на маленькую растерянную девочку.

– Да все наладится, мама, все будет хорошо, – поспешила я успокоить ее. – Ну что, я начну распаковывать вещи?

– Моя славная девочка, – сказала мама. Она повернулась, попыталась широко улыбнуться, но нос у нее нервно подергивался. – Здесь какой-то странный запах, ты не находишь?

– Странный?

– Да, чем-то пахнет. Пылью? Сыростью? Я думаю, прежде всего здесь придется все как следует отдраить, – мама подошла к окну, понюхала занавески. – Фу, какая грязь! Их немедленно нужно отправить в стирку! Боже, какие же неряхи здесь жили! Ничего, вымоем все сверху донизу, наведем чистоту и порядок. Слава богу, у нас целое лето впереди, чтобы обустроиться как следует. – Внезапно мама прижала меня к себе и горячо, убежденно сказала: – Мы будем счастливы здесь, Перл. И ты, и я, и папа, и Джоди. Кстати, о Джоди. Надеюсь, она вскоре зайвится. Нам сейчас каждая пара рук на вес золота.

Но Джоди не возвращалась еще целую вечность.

Большой Альф и Малыш Берни закончили таскать мебель. Папа дал им, по его мнению, хорошие чаевые. Большой Альф презрительно посмотрел на перекочевавшие в его ладонь деньги и саркастично заметил:

– Что ж, спасибо, хозяин. Надеюсь, эта сумма вас не слишком разорит?

– А куда подевалась твоя сестра? – спросил меня Малыш Берни.

Я молча пожала плечами.

– Готов спорить, что она уже сбежала отсюда, – сказал Малыш Берни. – Она у вас огонь-девчонка. Нечего ей делать в такой дыре. Вы, ребята, просто психи, что сюда заехали.

Может быть, он не стал бы говорить так грубо, если бы папа дал им больше чаевых. Сам папа выглядел сейчас так, словно готов был у них отобрать и эти деньги. Мама и вовсе была в ярости.

– Я попросила бы вас оставить при себе ваши комментарии по поводу моей дочери. И вы просто невежды, если смеете называть Мельчестер Колледж дырой, – сказала она с таким видом, будто весь этот дом был ее собственностью, а она в нем хозяйкой.

– Ох ты! – шевельнул бровями Малыш Берни, но было заметно, что он чувствует себя неловко. – Потопали, приятель, – сказал он Большому Альфу, и они ушли, даже не сказав нам «до свидания».

– Деревенщина неотесанная, – сказала им вслед мама.

– А я говорил тебе, что лучше нанять грузовик и все сделать самим, – напомнил папа.

– Но у тебя же спина, – сказала мама.

– Плевать. Но ты видела, как он посмотрел на десятку, которую я ему дал? Кем он себя возомнил? И как он смеет в таком тоне говорить о Джоди?

– Между прочим, а где она? Если в самое ближайшее время не явится, тебе придется идти ее искать, Джо. Наверное, она уже до смерти надоела мисс Френч и та не знает, как от нее избавиться. Сколько же можно гулять с собакой!

– Да такому псу и пятьдесят миль не крюк, не устанет, – сказал папа. – Старина Шеп! Это же название одной песенки Элвиса Пресли. Как ты думаешь, мисс Френч фанатка Элвиса?

Мы все трое дружно захихикали. Судя по внешнему виду, мисс Френч должна любить классическую музыку – с ее-то сединой, короткой стрижкой, обвислым жакетом, плиссированной юбкой и шелковым шарфом! Но когда вернулась Джоди, мы поняли, что ошибались.

– У нее на камине стоит удивительная открытка с Элвисом, – сказала она. – Нужно поцеловать эту открытку, и она начинает петь его голосом «*Не могу не влюбиться в тебя*», а под его серебристым пиджаком загорается красное сердечко. Класс! – И Джоди запрыгала на месте, показывая, какой это класс.

– Опять ты со своими глупыми сказками, – недоверчиво сказала мама.

– Да нет же, это правда, на сто один процент правда! – кричала Джоди, носясь по нашим комнатам. – Здесь слегка чем-то воняет, не находите? – спросила она, поводя носом.

– Не смей произносить такие слова! Завтра мы все вычистим, вымоем, и вы будете помогать нам, мадам, – сказала мама.

– А где Большой Альф и Малыш Берни? Уже уехали? Жаль, я хотела с ними попрощаться.

– По-моему, ты и без этого слишком много с ними болтала, – заметила мама. – Ты не должна общаться с такими, как они, слышишь? Это грубые рабочие парни.

– Наш папа тоже рабочий. С ним мне тоже нельзя болтать? – спросила Джоди, обнимая папу.

– Можешь болтать со мной сколько захочешь, солнышко, – ответил папа и тоже обнял Джоди. – Ну и где же ты была? Далеко ли ушла в своих ужасных туфлях?

– Мы не только гуляли. Мы зашли в дом к мисс Френч, и она напоила меня чаем. Там я и увидела ту открытку с Элвисом. А еще у нее есть аквариум с синенькими рыбками – они такие милые! И еще у нее на стене висит картина с обнаженной розовой женщиной.

– Что за ерунда! – воскликнула мама.

– погоди, сама увидишь. Мы все идем сегодня на ужин, а потом, может быть, она пригласит нас зайти к ней на чашечку кофе.

– погоди, какой еще ужин?

– С мистером и миссис Уилберфорс. Это здешний директор и его жена. Будем мы и мисс Френч.

– Мы? – переспросила я.

– Ты ничего не напутала, Джоди? – сказал папа. – Они пригласили нас на ужин? Не может быть.

– Не может быть, – подхватила мама. – Мы не получали никакого приглашения.

– Ну я же говорю – это мисс Френч просила меня передать. В половине восьмого, у Уилберфорсов. Они живут в доме на дороге за школой. И мисс Френч тоже там живет.

– У них свои дома? – спросил папа, оглядываясь по сторонам. – Современные? – с завистью прибавил он.

– Гораздо лучше жить в старинном викторианском доме, – быстро вставила я, хотя наши темные полуподвальные комнаты никак не вязались с роскошным видом Мельчестер Колледжа.

– А ты нас не разыгрываешь? – спросила мама, хватая Джоди за плечо.

– Не хочешь – не верь, это твои проблемы. Но с какой стати я стала бы вам врать?

– О боже, – сказала мама. – Хорошо, тогда нам всем нужно принять ванну, мы такие грязные после дороги. Надеюсь, с горячей водой у них все в порядке? Потом нужно будет распаковать чемоданы и надеть что-нибудь поприличнее. Да, а кто мне скажет, куда мы засунули утюг и гладильную доску?

– Не суетись, Шез. Никто не станет требовать, чтобы мы выглядели одетыми с иголочки, когда мы только приехали, – сказал папа, а сам тем временем уже озабоченно принялся вычищать грязь из-под ногтей.

– Не называй меня Шез, ты же знаешь, я терпеть этого не могу. Шэрон. Меня зовут Шэрон. Джоди, Перл, ну что же вы стоите? Бегите распаковывайте свои вещи. Перл, наденешь юбку с вышивкой, а ты, Джоди, пойдешь в брюках – у тебя все юбки слишком короткие и узкие. И надеюсь, у тебя хватит ума не надевать эти туфли?

– А мисс Френч мои туфли понравились. Она сказала, что они стильные, – возразила Джоди.

– Мисс Френч всего лишь секретарша, – сказала мама таким тоном, будто речь шла об уборщице в туалете. – Не она глава этой школы, а мистер Уилберфорс, и ему вряд ли понравится девчонка на высоких каблуках. Иди найди приличные брюки и черные туфли. Наденешь их. И без возражений.

Когда мама говорит таким тоном, возражать ей бесполезно, это нам всем хорошо известно. Мы пошли искать свои шмотки, а мама первой отправилась в ванную комнату. Когда она ушла, папа закатил глаза.

– Зря она так разнервничалась, – сказал он. – Я уверен, что Уилберфорсы просто решили избавить нас от лишних хлопот в день приезда.

– А какой он, этот мистер Уилберфорс, пап? Ты ведь уже встречался с ним. Важная шишка? – спросила я.

– Даже если так, он, похоже, неплохой мужик, – ответил папа, потирая переносицу. – Весьма оригинальный. Вообще-то все с этой школой у нас произошло так стремительно. Поначалу мы на том собеседовании чувствовали себя как рыбы на берегу. Мало что успели сообразить. Но, по-моему, эта игра стоит свеч. Ведь мы с мамой хотим сделать так, чтобы было хорошо нашим девочкам.

Он обнял нас, но в это время мама закричала из ванной:

– Джо! Джо, иди сюда!

– О господи, что там еще? – вздохнул папа.

– Знаешь, мне только что пришло это в голову, – сказала мама. – Ведь я повариха. Что, если они предполагают, что это я должна приготовить ужин?

– Не сходи с ума. Ты здесь для того, чтобы кормить детей, а не Уилберфорсов, – ответил папа. – Успокойся, Шез... Прости, прости, Шэрон. Ах ты, моя девочка. Иди, я тебя обниму.

Мама запротестовала, но мы услышали плеск воды, а затем звук поцелуя. Джоди скорчила гримасу, а я хихикнула.

– А знаешь, здесь не так уж и плохо, – негромко сказала Джоди.

Я посмотрела на выцветшие обои, на желто-зеленые, как рвота, занавески.

– Не здесь, – поняла меня Джоди. – Я имею в виду все это место, округу. Мисс Френч провела меня по саду. И по огороду тоже. Там полно фруктов-ягод и есть старый добрый садовник, он разрешил мне набрать малины. А поблизости лес. Огромный. Словно из сказки о двух сестрах, которым было хорошо вместе в Мельчестер Колледже.

– Значит, ты не против, что мы здесь?

– Ну, честно говоря, я терпеть не могу долго торчать посреди чего-нибудь. Я схожу с ума, когда мне некуда выбраться. Но может быть, все будет хорошо, раз здесь все наше. А чтобы разобраться что к чему, у нас целое лето впереди, верно?

Глава 5

Мы стояли перед домом Уилберфорсов. Строго говоря, это был не дом, а бунгало, только шикарное и просторное, с белыми стенами и душистым жасмином в керамических кадках по обе стороны зеленой входной двери. Мы стояли перед коваными воротами – мама, папа, Джоди и я, – все еще розовые после ванны и в самых лучших наших нарядах. Маме даже удалось уговорить Джоди не надевать красные туфли на высоком каблуке.

Мама обеспокоенно осмотрела нас троих, затем бросила взгляд и на себя, заглянув в зеркальце своей пудреницы.

– Сейчас только двадцать шесть минут восьмого, – прошептала она, посмотрев на свои наручные часы. – Пожалуй, лучше подождать, когда будет точно половина.

– Что, боишься, что мы застанем миссис Уилберфорс без юбки, в одних трусиках? – сказал папа.

Мы с Джоди захохотали.

– Тсс! – зашипела на нас мама. – Ради всего святого, тише, они же могут вас услышать. А ты, Джо, перестань дурачиться и придержи язык. Ты тоже, Джоди. Давайте обойдемся без этих ваших глупостей.

Мы продолжали стоять. Мама следила за стрелкой часов.

– О боже, вы что, опять не можете открыть ворота? – раздался голос мисс Френч. Она бесшумно подошла к нам сзади в своих мягких туфлях на резиновой подошве, поэтому мы все вздрогнули от неожиданности.

– Нет-нет! – поспешно ответила мама. – Просто мы не хотели прийти слишком рано, как...

Слово «некоторые» она успела проглотить, но все равно сильно смутилась, сжала губы и покраснела.

– Я думаю, самое время, – сказала мисс Френч. Она открыла ворота и зашагала по широкой дорожке к дому.

Мы все двинулись следом. Мисс Френч громко постучала в дверь. Мама тут же отступила немного назад – она явно испугалась, что Уилберфорсы решат, будто это она так громко барабанит в их дверь. Дверь открылась в ту же секунду, словно кто-то уже стоял наготове по ту ее сторону. Мама покраснела еще сильнее.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, – сказал нам высокий мужчина с бородой. На нем был старый желтый кардиган с кожаными пуговицами (двух пуговиц не хватало), клетчатая рубашка с потрепанным воротником, обвисшие вельветовые брюки и домашние тапочки.

– Как поживаете, мистер Уилберфорс? – придушенным голосом сказала мама. – Девочки, это директор Мельчестер Колледжа.

Тут Джоди нас напугала. Она громко рассмеялась и воскликнула:

– Не сходи с ума, мама! Это же садовник.

– Джоди! – ахнула мама и толкнула ее в плечо.

– Заткнись, Джоди, – краешком рта прошептал папа.

– Нет-нет, все правильно, я действительно садовник. Мы с вашей дочерью уже виделись в огороде. Правда, я еще и директор колледжа, но только днем, а потом... Если честно, то по-настоящему счастливым я чувствую себя, только когда роюсь словно свинья... в этом самом. Верно я говорю, Френчи?

– Абсолютно верно, – фыркнула мисс Френч.

– Проходите же, мистер и миссис Уэллс, проходите. Очень приятно вас видеть. Надеюсь, вы хорошо устроились. Так... с вами мы уже виделись, маленькая мисс Любительница Малины. А вы, надо полагать... – наклонился ко мне мистер Уилберфорс.

– Это Перл, – сказала мама. – Поздоровайся с мистером Уилберфорсом, Перл.

– Здравствуйте, – проямлила я.

Ну почему я такая стеснительная! Я двинулась вслед за Джоди, уверенно направлявшейся в глубь дома, но тут она вдруг резко остановилась, и я уткнулась ей в спину. В коридоре перед нами появилась женщина, сидевшая в инвалидной коляске. Ноги ее прикрывала цветастая испанская шаль. Женщина была довольно старой, под слоем искусно наложенного макияжа проступали морщинки, на плечи мягкими волнами спадали пышные седые волосы. На ней было свободное легкое сиреневое платье, на шее сверкало ожерелье из крупных аметистов, на запястьях маленьких сухих рук позванивали несколько широких браслетов. Жестикულიровала женщина только одной рукой, вторая со сжатой в кулачок ладонью безжизненно лежала у нее на коленях.

– Вы миссис Уилберфорс? – с недоверием спросила Джоди.

Похоже, мы с Джоди одновременно испугались, подумав о том, что у этой женщины могут быть проблемы и с речью тоже. Она немного помедлила, глубоко вдохнула, вежливо улыбнулась (хотя глаза у нее оставались печальными) и легко заговорила:

– Да, это я, мои дорогие. А ты... Джози?

– Джоди. А это моя сестра Перл.

– Очень рада видеть вас обеих, Джоди и Перл. Проходите в гостиную. Располагайтесь поудобнее на диване.

Мы послушно уселись на диван. Джоди погладила скользкие атласные подушки и сказала, что они хорошо смотрятся.

– Эй-эй, сойдите с дивана! Сядьте на эти стулья, – первым делом сказала мама, врываясь в комнату.

– Миссис Уилберфорс сказала, чтобы мы сели на диван, – возразила Джоди. – Так ведь?

– Да-да, так я и сказала, – кивнула миссис Уилберфорс. – Прошу вас всех, присаживайтесь. Гарольд, дорогой, налей гостям выпить. Что вы предпочитаете, миссис Уэллс?

Мама замаялась. Вообще-то дома она никогда не пила ничего спиртного, а в тех редких случаях, когда мы заходили в пивную под открытым небом, брала себе имбирное пиво с лимонадом.

– Капельку хереса, если можно, – неуверенно ответила она.

– Непременно. Амонтильядо, сей момент, – сказал мистер Уилберфорс. – Френчи, вам, разумеется, как всегда, джин с тоником? А вам, сэр? – посмотрел он на папу.

– Если у вас найдется пиво... сэр, – смутился папа.

Мама сердито посмотрела на папу, а мистер Уилберфорс просиял:

– Разумеется, найдется. Сейчас открою бутылочку для вас и еще одну для себя. Тебе, конечно, вина, Синтия? Так, а что у нас пьют юные леди?

– Я непритязательная, – небрежно ответила Джоди. – Вообще-то я люблю пиво, но могу и вина.

Мама разинула рот, но мистер Уилберфорс весело рассмеялся.

– В таком случае, налью вам полстаканчика вина, Мисс Лихачка, – сказал он. – А вы, юная Перл? Только не говорите, что тоже любите пиво.

– Она любит апельсиновый сок, – сказала мама.

Я чувствовала себя куклой чреовещателя, за которую говорят другие. Джоди уже разошлась вовсю, болтала без умолку, и все смеялись, слушая ее. Мама искоса бросала на Джоди сердитые взгляды, зато папа буквально сиял от гордости за свое чадо. Я, свесив ноги, сидела на краешке дивана, осторожно прихлебывала свой апельсиновый сок и осматривалась по сторонам. Возле бара на стене висели картины, изображавшие балерин в пышных пачках, на камине стояли фарфоровые статуэтки застывших в пируэте танцовщиц. Я подумала, что, вероятно, миссис Уилберфорс сама была балериной, а потом с ней произошел какой-то несчастный случай, приковавший ее к инвалидному креслу, и принялась поворачивать ноги, копируя позы танцовщиц.

– Перл! Прекрати елозить! И следи за тем, чтобы не закапать диван! – прошипела мама.

Тем временем мистер Уилберфорс, мисс Френч и папа разговорились о саде, окрестностях колледжа, игровых площадках и крикете, а Джоди время от времени вставляла в их разговор что-то свое. А вот мама из общей беседы как-то выпала и обернулась к миссис Уилберфорс, которая сидела, уставившись в пространство, и совершенно не собиралась исполнять роль гостеприимной хозяйки.

– Могу я чем-нибудь помочь вам на кухне, миссис Уилберфорс? – спросила мама. – Я вижу, что вы...

Миссис Уилберфорс приподняла брови и твердо ответила:

– Нет-нет, благодарю вас. Ничего не нужно, – она перевела взгляд на меня и, заметив мое состояние, спросила: – С тобой все в порядке, Перл?

Я кивнула и втянула голову в плечи.

– Ты такая тихая, – сказала миссис Уилберфорс.

– Зато наша Джоди болтает за троих, – вставила мама.

– Возможно, она не дает Перл возможности и слова вставить, – предположила миссис Уилберфорс и добавила, качнув пышными седыми волосами: – Расскажи мне о себе, Перл.

У меня моментально пересохло во рту, и я тяжело сглотнула.

– Она немного застенчивая, – сказала мама.

– Давай-давай, – приказала мне миссис Уилберфорс.

– Ну, – начала я. Все прекратили разговаривать и повернулись ко мне. – Ну, – повторила я. Молчание начинало действовать мне на нервы. – Ну...

– Ну, ну, ну... – завела Джоди старую песенку группы Grease, раскачиваясь взад-вперед на диване.

Все рассмеялись, но миссис Уилберфорс не спешила так легко меня отпускать.

– Тсс! – оборвала она Джоди и приложила палец к губам. – Дай сказать своей сестре.

– Ну, меня зовут Перл, мне почти одиннадцать, хотя я знаю, что выгляжу намного младше, – выпалила я. Они все продолжали смотреть на меня. Я опустила глаза и сильно сцепила руки. Подождала. Моих слов им было явно недостаточно, они ждали продолжения.

– Расскажи, как ты учишься, Перл, – подсказала мама. – Вы знаете, она очень способная, хотя и застенчивая. Всегда была первой в классе.

– Мам! – мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Какой у тебя любимый предмет в школе? – спросил мистер Уилберфорс.

– Ну... литература. И рисование, – ответила я.

– Значит, ты любишь читать?

– Вечно сидит, уткнувшись в книгу, – с гордостью сказала мама, хотя постоянно ругает меня за то, что я слишком много читаю. От этого, говорит, портится зрение и можно заработать косоглазие.

– Приятно это слышать, – сказал мистер Уилберфорс. – Синтия тоже очень много читает, правда, дорогая?

– Пойдем со мной, Перл, – сказала миссис Уилберфорс.

Она покатила к выходу из гостиной, звеня своими браслетами. Мама легонько подтолкнула меня. Мне не хотелось идти с миссис Уилберфорс, но я послушно встала с дивана и пошла. Мы прошли по коридору, затем миссис Уилберфорс открыла одну из дверей и вкатилась в нее.

Я вошла следом и сразу почувствовала особенный пыльный запах старых книг.

Эта комната оказалась самой настоящей библиотекой, где вдоль всех стен тянулись книжные полки, правда, подвешены они были низко, на уровне моей головы, не выше. Я поняла, что это сделано специально – так миссис Уилберфорс могла со своей коляски дотянуться до любой книги. Над книжными полками были развешаны картины – снова балерины, а еще женщины в старомодных длинных платьях и играющие в саду дети. Правда, рассмотреть картины как следует мне не удалось, потому что в библиотеке горела лишь одна лампа – зато очень красивая, в виде большого цветка из матового стекла.

– Нравится тебе моя библиотека? – спросила миссис Уилберфорс.

– Очень, – прошептала я.

– Поройся немного, – предложила миссис Уилберфорс. – Можешь выбрать любую книгу, которая тебе понравится. Я вижу, ты девочка очень аккуратная. Детские книги вон на той стене.

Честно говоря, я привыкла к маленьким книжкам в ярких бумажных обложках, а здесь книги были большие, солидные, в синих и зеленых кожаных переплетах с золотым тиснением на корешке. Сборники сказок и волшебных историй с красивыми картинками. Я слегка провела пальцем по выпуклым корешкам.

– Доставай и смотри, – сказала миссис Уилберфорс. – Выбери одну и возьми домой. Только не читай, пожалуйста, за столом. Мне бы не хотелось, чтобы на моих книгах появились следы от жирных пальцев.

– О нет, обещаю, – сказала я. – Да мне и мама запрещает читать за столом. Эти книги вы читали в детстве?

– Да, и моя мама их тоже читала, и бабушка. Они хранились в настоящей библиотеке в большом доме.

– Так, значит, Мельчестер Колледж – *ваш* дом?

– О да. Но мой отец много лет назад превратил его в школу, а теперь ею руководит мой муж. Я же преподавала детям танцы и музыку, но сейчас... – она указала рукой на свои прикрытые шалью ноги. Звякнули браслеты.

Мне хотелось спросить миссис Уилберфорс, что с ней случилось, но это было бы слишком бестактно. Так что я просто издала звук, который должен был выражать мое сочувствие.

Я выбрала «Таинственный сад»², потому что видела телефильм по этой книге и он мне понравился.

– Очень хороший выбор, – одобрила миссис Уилберфорс, улыбаясь так, будто я только что сдала зачет. – В этой книге рассказывается о большом доме, который назывался «поместье Миссельтуэйт», и в нем было сто комнат. Помню, как маленькой девочкой я бродила по Мельчестеру, начиная с чердака, и пыталась сосчитать, сколько же комнат у нас в доме. Мне было интересно, наберется у нас сотня или нет.

– Набралось?

– К сожалению, нет. Уже не помню, сколько их было. Знаешь, ты сама их как-нибудь посчитай, потом мне скажешь. Мне это уже не под силу, – она поджала губы, но потом заставила себя улыбнуться. – Ну а теперь пойдем в гостиную – неприлично так надолго оставлять гостей. Пора отправить Гарольда на кухню, я думаю, все уже проголодались.

– Могу я помочь? – спросила я. – Или моя мама?

– О нет, у Гарольда уже есть двое верных помощников на кухне – мистер Маркс и мистер Спенсер. Они сделают всю основную работу.

Я представила себе двух мужчин в белых поварских колпаках, которые хлопчут на кухне, и вдруг поняла шутку миссис Уилберфорс. «Маркс и Спенсер» – фирма, которая производит готовые блюда! Превосходные блюда, только у нас в доме они не водились – слишком дорого.

Мы вернулись в гостиную. Взрослые пили вино и пиво, мистер Уилберфорс, как обещал, и Джоди налил маленький стаканчик вина. Она гордо держала его в руках, а мама хмурилась, поглядывая на нее.

Я налила себе красного клюквенного сока, воображая, что это тоже вино. За ужином я пила сок стакан за стаканом и наслаждалась великолепным угощением. Сначала подали тигровые креветки – огромные, сочные, не чета хилым розовым червячкам, которые готовила мама. Потом были куриные котлеты по-киевски с ростками спаржи и воздушным картофельным пюре и, наконец, десерт – крупная спелая клубника со взбитыми сливками.

Это был самый роскошный ужин в моей жизни.

После десерта взрослые пили кофе, к которому подали даже шоколадные трюфели и рахат-лукум! Я ела, ела и ела, очень довольная тем, что на меня опять никто не обращает внимания. Правда, когда я встречалась взглядом с миссис Уилберфорс, она каждый раз улыбалась мне, но молча. Она развернула у себя на коленях большую салфетку, и хотя у нее работала лишь одна рука, ела очень ловко и аккуратно, ни капельки не пролив и ничего не роняя. Когда ужин закончился, мама начала собирать тарелки, чтобы их помыть, но мистер Уилберфорс отобрал их у нее:

– Нет-нет, сегодня вы у нас в гостях, моя дорогая. К своим обязанностям вы приступаете только завтра. У нас в школе на каникулы остаются несколько печальных маленьких сирот, у которых нет дома. Будете готовить для них и, если вы не против, завтрак и ланч для сестры-хозяйки, Френчи и меня. А так до начала учебного года хлопот у вас будет не слишком много. А вот вы, Джо, боюсь, так легко не отделаетесь. Для вас накопилась масса работы. Здание колледжа очень старое, все скрипит-шатается, точь-в-точь как я сам! Завтра после завтрака мы с вами быстренько осмотрим дом и двор и решим, с чего лучше начать.

– Зато у нас с Перл каникулы! – весело вставила Джоди, подмигивая мне.

---

² «Таинственный сад» – роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бернет, ставший классикой мировой детской литературы.

– Нет-нет, вы будете мне помогать – сказала мама. – Не надейтесь, шататься без дела я вам не позволю.

– Ну, Джоди мы поручим гулять с Шепом, – предложила мисс Френч. – Его нужно как следует погонять.

– А ты, Перл, будешь приходить ко мне, сможешь навести порядок в моей библиотеке, – сказала миссис Уилберфорс.

Мама нахмурилась, ей было неприятно, что кто-то вместо нее распоряжается нами, но возражать не рискнула. Она начала посматривать на свои часы и зудеть, что нам с Джоди пора спать. Из гостей мы ушли в половине одиннадцатого. После нескольких стаканов сока мне ужасно хотелось в туалет, но я стеснялась сказать об этом при всех.

О том, что мне надо «в кустики», я шепнула маме, когда мы шли по дорожке.

– Почему ты раньше не сказала? – рассердилась она. – Теперь терпи, здесь недалеко.

– Мне кажется, я не дотерплю, – ответила я.

– Без глупостей, Перл. Думай о чем-нибудь другом, отвлекись. У них слабые фонари, так что уходить в темноту небезопасно.

– Я смогу защитить тебя, Шез, – сказал папа, обнимая маму за плечи. – И наших девочек тоже.

– Папа делал все возможное, чтобы защитить свою маленькую семью во время опасного путешествия, но как только они приблизились к темному-темному, черному-черному дому, издалека до них долетел жуткий волчий вой, – завела Джоди.

– Джоди! Ты опять?

– Не пугай меня, я и так сейчас описаюсь.

Джоди запрокинула голову, грозно зарычала, как волк-оборотень, но тут же замолчала.

– Посмотри на звезды, – сказала она, беря меня за руку.

Мы обе задрали головы вверх.

– Какие они большие и яркие, и как их много, – сказала я. – Вон та, самая большая и яркая, – это Полярная звезда, я знаю. А остальные?

– Понятия не имею, – откликнулась Джоди. – Где-то там должна быть Большая Медведица, и Малая Медведица, и еще Пояс Златовласки, которая ест на небе свою овсянку.

– Чушь! Нужно будет найти звездный атлас или книжку про звезды, – сказала я.

– Попроси у своей новой приятельницы, миссис Уилберфорс, она тебе одолжит, – связвила Джоди.

– Она слегка странная, эта миссис Уилберфорс, – вступила в разговор мама. – Дело даже не в ее инвалидной коляске. Просто, мне кажется, она постоянно витает мыслями где-то далеко-далеко. Возможно, у нее не все в порядке с головой.

– А мне миссис Уилберфорс понравилась, – сказал папа. – Мне ее жаль. Наверное, это ужасно – быть таким беспомощным, как она.

– Я не буду против, если она наймет меня в помощницы. Представляешь, ему приходится готовить самому. Ну, если это вообще можно назвать готовкой. Надо же – пригласить гостей на ужин и кормить их готовыми блюдами!

– Прекрати, Шез. Они очень старались.

– *Шэрон!* Нет, это какое-то безумство. Выложить целое состояние за готовые куриные котлеты! Дайте мне пару куриц – и я вам их так в вине приготовлю – пальчики оближете.

– А по-моему, прекрасные были котлеты. Гораздо лучше, чем все, что мы едим, – бестактно вцепилась Джоди. – Эй, Перл, что с тобой? Ты идешь как-то странно.

– Я сейчас надую в трусы, – с безнадежным отчаянием сказала я.

– Еще чего! Ты же не маленькая, – сказала мама. – Ладно, давай вон в те кустики и сделай свое дело.

– Не могу, боюсь! – сказала я, но тут же поняла, что мне ничего другого не остается, иначе я сейчас опозорюсь при всех.

Я бросилась в кусты, молясь о том, чтобы там меня не поджидал волк-оборотень. Потопталась в темноте, сделала свое дело, натянула трусики, шагнула в сторону, зацепилась ногой за куст ежевики – и меня понесло вниз по небольшому склону. Чтобы не потерять равновесие, я раскинула руки, и в этот момент меня кто-то схватил!

Я раскрыла рот, собираясь закричать.

– Тсс, тише, ты его спугнешь! – прошептал мне чей-то голос.

Незнакомец был намного выше меня, но голос у него был высокий, мальчишеский.

– Кого спугну?

– Барсука. Смотри! – прошептал он.

Я широко раскрыла глаза и огляделась.

– Вон там!

Я увидела холмик с выпирающими из него корнями дерева. В холмике была темная дыра, из которой выглядывала длинная мордочка с белой полоской.

– Я вижу его! – прошептала я.

Мы пригнулись и стали наблюдать. У меня бешено забилося сердце, мне было интересно, кто этот парень, а самое главное – слышал ли он, как я писала в кустах. Барсук неторопливо начал вылезать наружу, поводя головой из стороны в сторону. Он оказался больше, чем я думала, с широкой грудью и сильными лапами. Это был самый удивительный, самый восхитительный и волшебный зверек, какого я когда-либо видела. Я прерывисто дышала, точно так же дышал и парень.

– Перл! Ты где? – раздался крик Джоди, которая как слон ломилась сквозь кусты.

Барсук мгновенно скрылся назад в свою нору.

– О, черт! – прошептал парень. – Кто эта идиотка?

– Моя сестра, – ответила я.

Джоди снова стала звать меня, еще громче прежнего.

– Ну ладно. Иди к ней. Да, а что вы здесь делаете, между прочим?

– Наши родители будут теперь работать в Мельчестер Колледже.

– А, понятно. А я здесь учусь. Меня зовут Харли. А тебя... Перл? Смотри не рассказывай своей сестре про барсука, договорились? Она такая шумная, крикливая, распугает мне здесь всех барсуков. Это будет наша с тобой тайна, хорошо?

– Хорошо, – прошептала я.

– Спасибо. Ты настоящий друг, – сказал он, пожимая мне руку.

Глава 6

На следующее утро я проснулась очень рано и лежала, слушая птиц. Там, откуда мы приехали, изредка можно было встретить разве что воробья, а здесь, судя по щебетанию, было много ласточек, скворцов, дроздов и синиц – и все они сейчас заливались за моим окном.

Теперь *это* был наш дом. Я приподнялась на локте и осмотрела нашу тесную убогую спальню, размышляя о том, удастся ли нам с Джоди обустроить ее, и если да, то как. Я провела пальцем по волнистому рисунку на обоях. Край обоев от старости успел местами отклеиться от стены. Я просунула в щель палец – там обнаружилось несколько слоев бумаги, а за ними покрытая белой штукатуркой стена. В штукатурке было маленькое отверстие – дырка от гвоздя.

Мне представилось, что когда-то в этой комнате жила маленькая кухарка. Возможно, на тот давно выпавший гвоздь она повесила на стену зеркальце. Или пожелтевшую фотографию своих родителей со всеми своими братьями и сестрами – она напоминала ей о родном доме. А может быть, это была картинка, изображающая, например, ангела-хранителя с перистыми белыми крыльями, которыми он прикрывает бегущую под ним по земле маленькую девочку в передничке и ботиночках с пуговицами.

Я стала представлять этой кухаркой себя. Как бы меня звали? Флосси? Мэри-Энн? А, *Кассия*, вот как! И вот я, Кассия, лежу на одном краю маленькой железной кровати, а на другом ее краю спит моя лучшая подруга Пэнси. Она горничная. Старинные, еще дедушкины, часы уже пробили в коридоре шесть, нам с Пэнси пора вылезать из кровати и своих ночнушек. И мы вылезаем, умываемся, поеживаясь от холода, ледяной водой, а потом надеваем свои уродливые рабочие платья и накрахмаленные фартуки.

Мне хотелось, чтобы Джоди проснулась и поиграла со мной в служанок. Я залезла к ней в кровать. Джоди сонно прижала меня к себе, но глаза не открыла.

– Поиграй со мной Джоди, пожалуйста! Я хочу, чтобы ты была Пэнси, горничной.

– Кем? Отстань, Перл. Какие игры? Слишком рано, – пробормотала она, уткнувшись лицом в подушку.

Я взяла роскошно изданный «Таинственный сад», который мне дала миссис Уилберфорс, и начала читать. Трудно сказать, нравилась ли мне Мэри – главная героиня этой книги, но сама история была написана очень интересно. А по-настоящему я влюбилась в милую Марту, служанку Мэри. Я даже стала произносить вслух ее реплики, хотя слабо представляла, каким должен быть йоркширский акцент, как у Марты.

– Что ты там бормочешь? – спросила Джоди.

– Читаю «Таинственный сад». Как ты думаешь, а здесь может найтись таинственный сад? Знаешь, тут много высоких, заросших плющом стен. Может быть, в одной из них мы

обнаружим запертую дверь, потом отыщем к ней ключ, и у нас с тобой появится свое тайное место.

– Да-да, как скажешь, так и будет, – пробормотала Джоди. – А вообще-то катись ты со своими древними книжками! Который час? Интересно, мама с папой уже встали? Я ужасно проголодалась. Как волк. Слушай, Перл, не в службу, а в дружбу – может, сходишь приготовить нам тосты? И по чашечке чая?

Вновь воображая себя Кассией, я послушно поплелась в наш кухонный закуток и начала готовить завтрак. Нашла в картонном ящике чайник и чашки. Хлеб мама уже переложила в эмалированную кастрюльку, а молоко и масло поставила в маленький холодильник. Я подумала, не заварить ли по чашечке чая и маме с папой, но решила, что лучше не стану их будить и проведу какое-то время вдвоем с Джоди. Я очень любила, когда мы с сестрой оставались вдвоем. Отколупнув пальцем немного масла, я окунула его в сахар и с наслаждением слизнула этот засахаренный комочек. Вкуснотища! Ожидая, пока закипит чайник, я отколупнула еще одну горошину масла, потом еще одну – и остановилась, лишь услышав скрип половиц под чьими-то шагами.

– Ай-яй-яй! – сказал папа, подходя ко мне. – Тебе повезло, что за этим занятием застукал тебя я, а не мама!

– Пап, ты ведь не скажешь ей, правда? – попросила я, обнимая его.

– Придется рассказать, если ты оставишь в масле все эти ямки. Давай-ка быстренько разгладь их. Да не пальцем – ножом! А это что? Ты жарить тосты? Смотри не наедайся сильно, мама собирается приготовить на большой кухне яичницу и бекон, и мы будем завтракать в столовой.

– С другими детьми? – спросила я.

– Ну да, хотя их здесь на каникулы осталось всего несколько человек. Представляешь, как им не повезло – проторчать в школе все летние каникулы! – папа печально покачал головой. – Сделай нам с мамой тоже по чашке чая, солнышко.

Папа забрал чашки и понес подавать маме чай в постель. Я прихватила две оставшиеся чашки и осторожно потащила их в нашу с Джоди спальню. Джоди снова успела уснуть, свернувшись калачиком под одеялом.

– Джоди? Джоди!

Она притворилась мертвой – глаза закрыла и не двигается, даже когда я щекочу ее. Я знала, что она притворяется, но все равно запаниковала и принялась изо всех сил ее трясти:

– Джоди! Джоди!!

– Что? – сказала она, открывая глаза и ухмыляясь.

– Не делай *так*!

– Прости-прости, это была шутка.

Джоди села в постели, выпила чай и съела свой тост. Потом съела и мой тоже, потому что я была слишком возбуждена и поэтому есть не хотела. За завтраком я увижу Харли, того странного парня, который любит барсуков. И у нас с ним есть своя тайна.

– Джоди, можно мне надеть сегодня твои красные туфли? – спросила я.

– Нет, я сама их ношу.

– Да только на завтрак, попробовать.

– Но они ж тебе велики.

– Подложу что-нибудь в носки. Ну *пожалуйста*!

– Ладно, если ты взамен согласишься стать моей покорной рабыней до самого конца дня.

– Я всегда твоя покорная рабыня, – сказала я, всовывая босую ногу в ее туфли и пытаюсь в них покрутиться на месте.

– Ты в них как Минни Маус, – заметила Джоди. – Не выпячивай зад, походка должна быть женственной, легкой, изящной. Вот такой примерно.

Джоди спрыгнула с кровати на пол и пошла, пошла походкой манекенщицы по нашей тесной спальне, умудряясь при этом огибать расставленные повсюду коробки.

– Начнем распаковывать и разбирать вещи? – спросила я, насмотревшись.

– Нет. Потом, после завтрака. Одевайся.

– А можно я возьму еще одну из твоих юбок?

– Что с тобой, Перл? – уставилась на меня Джоди.

– Надоело выглядеть по-детски.

Однако в Джодиных туфлях и юбке я выглядела просто ужасно – как маленькая девочка, нарядившаяся в мамино платье, чтобы сразу стать «взрослой». Так что я отдала назад красные туфли и надела свою юбку и сандалии.

Папа сегодня был в яркой клетчатой рубашке и джинсах – таких жестких, что он едва мог сгибать в них ноги. На талии у него красовался рабочий пояс, из кожаных петелек которого гордо торчали гаечные ключи, молотки и отвертки. На ногах у папы были новые рабочие башмаки, огромные и солидные.

– Ой, пап, ты прямо вылитый Боб Строитель из мультика! – рассмеялась Джоди. Потом увидела папино лицо и поняла, что оскорбила его в лучших чувствах. – Да я пошутила! Все чики-пуки, ты выглядишь просто классно! Только остерегайся нашей мисс Френч. Следи, как бы она случайно не толкнула тебя – можешь проткнуть себе попу отверткой.

– Прекрати, грубиянка, – ответил папа, целуя Джоди. Потом он поцеловал и меня и сказал, приносиваясь: – Чуете? Беконом запахло. Пошли, девочки, поедим.

Мы прошли по коридору и повернули за угол. Там висела большая доска с кнопками звонков, и под каждым звонком табличка со сделанной от руки надписью – «Гостиная», «Салон», «Директорская спальня» и так далее, комната за комнатой.

– Нет, сотни комнат тут и близко нету, – сказала я.

– Что это за звонки? – спросила Джоди.

– Для вызова прислуги. Нажмешь кнопку – и в нужной комнате зазвонит звонок, – пояснил папа.

– Значит, кто-то может позвонить и вызвать тебя или маму? Что за дела?! – возмутилась Джоди.

– Да кто его знает, – сказал папа. – Вообще-то не похоже, чтобы мистер Уилберфорс относился ко мне как к прислуге и я должен перед ним раскланиваться и пылинки с него сдувать.

– А по-моему, это было бы прикольно, – заявила Джоди и выдала перед нами какой-то умопомрачительный поклон.

Затем она толчком открыла дверь, и мы вошли в большую кухню с выложенным каменной плиткой полом. Здесь был большой деревянный разделочный стол, огромный шкаф и

развешенные на крючках сияющие сковородки. В целом все это очень напоминало викторианскую кухню, какой ее рисуют на иллюстрациях к историческим книжкам.

Мама жарила яичницу на огромной шипящей сковороде. Для викторианской кухни ее белая шапочка и брюки в черно-белую полоску не подходили совершенно – смотрелись слишком современными.

– Мам, тебе надо было надеть длинное платье и большой накрахмаленный передник, – сказала я.

– Что? – рассеянно откликнулась мама – сейчас все ее внимание было приковано к другой сковороде, на которой жарился бекон. – Дьявол, ну давай же, где твоя хрустящая корочка!

– Чем это пахнет? – спросила Джоди. – Тосты горят, что ли?

– О нет, только не это! – взвыла мама, проворно снимая с огня задымившую сковороду-гриль, и посмотрела на Джоди так, будто это та была во всем виновата. – Так, вы двое, отправляйтесь в столовую, вы меня отвлекаете. А ты, Джо, останься, поможешь мне. У меня от волнения все из рук валится. Представляешь, не могу приготовить простейший завтрак всего на двенадцать человек. Если так и дальше пойдет, меня через неделю выгонят с работы. И правильно сделают.

– Ну-ну, успокойся, солнышко. Все выглядит и пахнет сногсшибательно. Никто не умеет готовить горячие завтраки лучше, чем моя Шез.

– Шэрон, – строго поправила его мама, но тут же улыбнулась. – А вы давайте брысь отсюда, – сказала она нам с Джоди. – Идите и присмотрите, чтобы у всех в тарелках были кукурузные хлопья, а в чашках сок. Все это я поставила на боковой столик.

Я прошла вслед за Джоди до конца кухни, там мы поднялись по лестнице и через двойные двери вошли в столовую Мельчестер Колледжа. Это был очень большой зал со скамьями и длинными, поставленными на козлы столами. У противоположной стены зала стоял еще один, отдельный стол. Я шла по залу на цыпочках, словно в церкви, а Джоди уверенно цокала впереди меня, размахивая руками. За отдельным столом сидели четверо взрослых: мистер Уилберфорс, мисс Френч и двое незнакомых людей – молодой человек и молодая женщина.

Увидев нас, мисс Френч радостно взмахнула рукой и воскликнула:

– Доброе утро, девочки! Мм, как беконом пахнет! Чудо!

– Джоди, Перл, это мисс Понсонби, наша младшая экономка. А летом она присматривает за детьми, которые остались в школе. Мы зовем ее Бессменка, – представил мистер Уилберфорс.

Мы с Джоди с трудом удержались, чтобы не фыркнуть.

– Она присматривает за теми ребятами, кто остался в школе на время каникул, – пояснил мистер Уилберфорс. – А это наш садовник Джед Брексит.

– А я думала, что здесь садовник – это вы, мистер Уилберфорс, – сказала Джоди.

– Это мое хобби. А для молодого Джеда – основная работа, – ответил мистер Уилберфорс.

– А заодно я присматриваю за тем, чтобы мистер Уилберфорс не откусил чего-нибудь лишнего своим секатором, – усмехнулся Джек. Меня он, похоже, вообще не заметил, зато Джоди облизал глазами сверху донизу.

– Добро пожаловать, – сказал Джек. Выглядел он роскошно – симпатичный, длинные черные волосы всклокочены, несколько прядей заплетены в косички, перехваченные серебряной тесьмой со стеклянными бусинами. Мне подумалось, что Джек похож на пирата – смуглого, опасного, – и я втянула голову в плечи. А Джоди посмотрела на него совершенно беззаботно и сказала так, будто они были ровесниками:

– Привет, Джек.

– Привет, Джоди, привет, Перл! – сказала мисс Понсонби, перепутав при этом нас с сестрой. Она была не такой интересной, как Джек, – обычная женщина с бледным озабоченным лицом и прямыми серенькими, как у мыши, волосиками. – Может, вы хотите сидеть с другими детьми?

Других детей было четверо. Три малыша сидели рядом на скамейке, болтая ногами. Харли сидел по другую сторону стола. Он по-прежнему казался мне невероятно высоким, даже когда сидел. Рукава его рубашки были высоко подвернуты, обнажая длинные тонкие запястья. Волосы у Харли были густые, лохматые, похожие на львиную гриву. Его длинное тонкое лицо было бледным и серьезным. Харли читал книжку и хрустел кукурузными хлопьями. Он жевал вдумчиво, неторопливо, а глаза его тем временем стремительно бегали по строчкам. Когда я приблизилась, Харли и не подумал оторваться от книги.

Возможно, он намеренно не замечал меня. Я сглотнула, прошла мимо и села рядом с тремя малышами. Мы смущенно кивнули друг другу. Ребятишки казались слишком маленькими даже для первоклашек.

– Здравствуйте, – сказал самый старший из них, мальчик с большими карими глазами и самыми длинными, какие я когда-либо видела, ресницами. Кожа у него была черной как смоль и такой же блестящей.

– Я Зеф, – сказал он.

Я застенчиво улыбнулась ему. Следующая малышка оказалась даже застенчивее меня. Она наклонила голову, скрыв глаза за упавшими на них блестящими черными волосами.

– Ее зовут Сакура, – сказал Зеф. – А это Дэн.

Дэн был таким маленьким, что даже сидя, выпрямившись на скамье, едва доставал до края столешницы. Сейчас он опирался о нее, серьезно глядя вокруг своими синими глазами. Рот Дэна был перепачкан молоком.

– Да, я Дэн. На самом деле – Даниил. *Настоящий* Даниил вошел в клетку ко льву. Он был очень храбрый. Я тоже немножко храбрый. Я редко плачу, – выпалил он высоким тоненьким голоском.

– А я Перл. Я совсем не храбрая, – сказала я.

Только теперь Харли поднял голову и, казалось, был очень удивлен, увидев меня здесь. Он махнул мне длинной ладонью с тонкими пальцами, приглашая сесть рядом с ним. Но первой рядом с ним уселась Джоди – она поставила на стол поднос с соком и ловко одним движением вписалась на свободное место. Затем она придвинула стаканы с соком мне и малышам, оставив один стакан для себя, после чего представилась:

– Привет, я Джоди. А ты кто?

– Я Харли.

– Я не фамилию, я имя твое спрашиваю, глупый, – пояснила Джоди.

– Это и есть мое имя.

– Тогда что же у тебя за фамилия? Дэвидсон, как у мотоцикла? – сказала Джоди и сама же первая захихикала над своей шуткой.

– А ты занятная. Так надо мной еще никто не подшучивал. Харли Дэвидсон!

– Привет, привет, – сказал появившийся рядом с нами папа. Он явно не понимал, где ему сесть – с нами или со взрослыми.

– Пап! – укоризненно отозвалась Джоди, указывая кивком головы на преподавательский стол, затем улыбнулась Харли и заворковала: – Ну привет, привет, Харли-Не-Дэвидсон. Итак, это мой папа, моя мама сейчас готовит завтрак, а это моя маленькая сестричка Перл.

– Не такая уж маленькая, – заметил Харли, кивая мне.

– Ну и ты тоже верзила будь здоров, – сказала Джоди. – Сколько в тебе росту?

Харли проглотил остатки кукурузных хлопьев. Казалось, он начинает терять терпение:

– Сто восемьдесят четыре сантиметра.

– Вау! А сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– Ничего себе! Выходит, ты еще растешь?

– К сожалению.

– Пора звонить в «Книгу рекордов Гиннеса», – сказала Джоди. – А отец и мать у тебя тоже верзилы?

– Заткнись, Джоди, – прошипела я.

– Почему? – удивленно моргнула она.

– Ладно, – вздохнул Харли. – Вот в двух словах история моей жизни. Об отце я практически ничего не знаю, он смылся от нас с мамой, когда мне было три. Кажется, он был высоким, но в таком возрасте тебе все взрослые великанами кажутся. Рост моей мамы сто пятьдесят семь сантиметров, довольно высокая для женщины, я полагаю.

- А почему ты не с ней во время каникул? – спросила Джоди.
- Джоди, прекрати травить его как барсука, достала парня, – сказал папа.
- Мы с Харли переглянулись. Он улыбнулся, я тоже улыбнулась.
- Что с вами? – спросила Джоди.

Харли молча пожал плечами. Они у него были широкими и тонкими, как проволочная вешалка.

- Пожалуй, я сейчас не настроен рассказывать о своей жизни, – сказал он.
- Тогда я расскажу тебе о своей, – решила Джоди.

И она начала рассказывать о своей школе Муркрофт, и о том, как прогуливала ее, и о прочих выходках, которые они творили вместе с Шейнис и остальными подругами. Папа слушал и хмурился. Зеф, Сакура и Дэн смотрели на Джоди разинув рот. Харли тоже слушал, но неохотно, то и дело тоскливо посматривая в сторону своей книги. Потом в дверях показалась мама с огромным подносом в руках, и у Джоди наконец хватило ума, чтобы заткнуться.

Мама махнула рукой папе, показывая, чтобы он перешел за преподавательский стол.

Взрослых мама обслужила первыми, поставила перед ними большие тарелки, каждую из которых можно было считать произведением искусства: яичница, бекон, сосиски, помидоры, жареный горячий хлеб и шампиньоны. Мисс Понсонби смущенно сказала, что с таким плотным завтраком ей не сладить, и спросила, нельзя ли вместо всего этого изобилия получить просто пару вареных яиц.

– Разумеется, – ответила мама, с ненавистью взглянув на нее. Впрочем, все остальные – папа, мисс Френч, Джек и мистер Уилберфорс капризничать не собирались и дружно налегли на еду.

– К сожалению, я съел перед выходом из дома чашку заячьих кашек – это я так мюсли называю, ха-ха, – но это не помешает мне отведать все, что вы для нас наготовили, миссис Уэллс, – сказал мистер Уилберфорс, с наслаждением жуя горячую сосиску и поглядывая на тарелки, которые мама понесла нам на детский стол.

– Черт побери, боюсь, что школьный бюджет не выдержит, если вы собираетесь *так* их кормить *все* время, – заметил он.

– Ну, в каникулы, я думаю, нужно будет покормить их получше, – сказала мама, ставя перед каждым из нас большую тарелку.

Я тоже взяла одну тарелку, хотя мама всегда сердится из-за того, что я слишком привередлива к еде и не могу, например, проглотить яичницу-болтушку, или жир от бекона, или томатную шкурку. Сакура оказалась такой же привередой, как я. Она долго смотрела в свою тарелку, не притрагиваясь к еде. Потом Джоди не выдержала, взяла у нее тарелку и порезала еду мелкими ломтиками на тот случай, если девочка не может справиться с большими кусками.

- Ешь давай, – скомандовала Джоди. – Все до конца. Ам-ам, ясно?

Сакура взяла двумя пальцами ломтик жареного хлеба, обмакнула в яичный желток и принялась аккуратно жевать. Дэн был не настолько деликатен. В одной руке он зажал вилку, а другой постоянно себе помогал – накладывал на вилку еду, следил – правда, не всегда успешно – за тем, чтобы по дороге ко рту эта еда не свалилась.

Зеф ел очень изящно, ножом и вилок, однако одновременно играл в странную игру – сначала съедал целиком что-нибудь одно и только потом переходил к другому. Я представила себе желудок Зефа с уложенными в него слоями еды – темно-коричневый (шампиньоны), светло-коричневый (жареный хлеб), красный (помидоры), розовый (бекон) и желтый (яичница). Что-то вроде трубочки со слоями разноцветного песка, которые продают туристам на острове Уайт.

Харли очистил свою тарелку в два счета. Мама одобрительно посмотрела на него и сказала:

– Отлично, парень, ты подаешь хороший пример остальным.

Тут мама присмотрелась к Харли внимательнее, оценила его рост и удивленно подняла брови. Я посмотрела на нее и нахмурилась: мне не хотелось, чтобы она что-нибудь сказала о его росте. Мама в ответ тоже нахмурилась и переключилась на мою все еще полную тарелку.

– Давай, Перл, ты уже не маленькая. Ешь, дорогая. Не подводи меня.

Я разрезала свой бекон на мелкие, размером с ноготь моего большого пальца, кусочки и подцепила один вилок. Кусочек выглядел отвратительно жирным. Я заметила, что за мной наблюдает папа. Когда мама повернулась ко мне спиной, я изобразила, что моя вилка превратилась в самолет. Он пролетел по воздуху и приземлился прямо в рот Дэна. Дэн радостно проглотил бекон и открыл рот для следующего кусочка. Таким способом я успела избавиться почти от половины своего бекона, но тут к нашему столу, цокая сандалиями, подошла мисс Понсонби. Бессменка.

– Не корми его больше, дорогая, а то ему будет плохо, – сказала она, энергично вытирая лицо Дэна влажной салфеткой. Бессменка старалась так, словно протирала окно к празднику. Дэн пищал, хныкал, но в целом не сопротивлялся. Мне стало жаль Сакуру – она была следующей на очереди. До того как за нее взялась мисс Понсонби, лицо Сакуры было безупречно чистым, а после салфетки к нему прилипло несколько жирных крошек, перекочевавших от Дэна.

Зеф, когда до него дошла очередь, отклонил голову в сторону и сказал:

– Я не маленький, я абсолютно чистый, – он сложил руки на груди и выпятил нижнюю губу.

– Хорошо, Софония, – Бессменка назвала Зефа его полным именем, признавая свое поражение.

Когда мисс Понсонби подошла ко мне, я тоже сложила руки на груди – я же не ребенок! Она ласково улыбнулась мне:

– Не хочешь на время каникул записаться в какой-нибудь кружок? Мы делаем самые разные поделки. Вчера, например, клеили кукол – помните, дети?

– А моя кукла умерла, – грустно сказал Дэн.

– Нет, милый, у нее просто отвалилась голова, – сказала мисс Понсонби. – Сегодня мы ее приклеим на место.

– Нет, пусть останется без головы. Будет безголовым призраком, – предложил Зеф. – А я сделаю скелет, и они будут драться друг с другом.

– Никаких драк, Зеф, даже понарошку, ты же знаешь правила, – сказала мисс Понсонби и умоляюще взглянула на меня. – Мальчики иногда бывают такими шумными. Будет прекрасно, если у Сакуры появится подруга. Вы могли бы шить вместе, или вязать, или, например, лепить что-нибудь из глины. Ну, что скажешь, Джоди?

Я заерзала на скамье, придумывая, как бы повежливее отказаться от предложения этой Ути-Пути. Ну не хотелось мне заниматься ерундой вместе с этими странными детишками!

– Она Перл. Джоди – это я, – сказала Джоди. – Очень приятно, что вы пригласили Перл в свои кружки, мисс Понсонби, но боюсь, что из этого ничего не получится. Мы должны помогать родителям распаковываться, обживаться, нам нужно отремонтировать нашу квартиру и привести ее в божеский вид. Кроме того, Перл уже получила от миссис Уилберфорс очень важное поручение, связанное с работой в библиотеке, поэтому будет очень занята в ближайшие недели. Но все равно спасибо вам большое, мисс Понсонби, за то, что пригласили ее.

Я улыбнулась Джоди, моей сестре, моей спасительнице. Мисс Понсонби увела с собой Зефа, Сакуру и Дэна, и мы остались наедине с Джоди. И еще с Харли.

– Порядок, – ухмыльнулась Джоди. – Ну а что мы с вами сегодня предпримем?

– Я слышал, вы должны помочь своим родителям, – сказал Харли. – Распаковаться, обживаться и все такое прочее.

Джоди бросила взгляд на стол для взрослых. Папа разговаривал с мисс Френч, мама налила себе чашку чая и, заняв освободившееся после мисс Понсонби место, о чем-то оживленно разговаривала с мистером Уилберфорсом.

– Не будем должны, если поторопимся, – сказала Джоди. – Уходим, быстро, пока они не смотрят!

Мы все втроем выбрались из-за стола и незамеченными улизнули через главный вход.

Глава 7

Мы стояли посередине главного коридора, сверху на нас смотрели портреты. Мрачные мужчины с блестящими золотыми цепями на груди и изображенные в профиль длинноносые женщины.

– Интересно, кто они? Старые учителя? – сказала Джоди.

– Они похожи на родственников. Думаю, это предки миссис Уилберфорс. Ведь это их родовое поместье, – возразил Харли.

– Ого! Старинный род. Выходит, Уилберфорсы богатые и знатные.

– Знатные – да. Богатые... Пожалуй, уже нет. Мельчестер Колледж буквально на куски разваливается.

– Но теперь мой отец приведет его в порядок, – сказала Джоди.

– Тут нужна сотня таких отцов, чтобы привести в порядок этот хлам, – ответил Харли.

– Вот это ты называешь *хламом*? – поинтересовалась Джоди, указывая на висевшую у нас над головами люстру.

– погоди, пока не заглянешь за кулисы этого дома, – сказал Харли.

– Ладно, пошли дальше. Показывай, что у вас здесь, – сказала Джоди.

Харли замялся, посмотрел на свою книгу.

– Ты ничего не обязан делать, – быстро заметила я. – Возможно, у тебя есть свои дела.

– Да нет, все в порядке, – ответил он.

– А что это у тебя за книга? – спросила Джоди.

– Ну-у... – Харли смутился и покраснел.

– А, порнушка! – со знанием дела кивнула Джоди.

– Нет, классика. Тебе не понравится, ты такие книги ненавидишь, – сказал он.

– Давай взглянем, – Джоди, прищурившись, прочитала надпись на корешке книги. –

«Джуд Незаметный»³ Томаса Харди. Ты читала эту книжку, Перл?

Я отрицательно помотала головой.

– Это совсем не детская книга, – сказал Харли.

---

³ «Джуд Незаметный» – роман английского писателя Томаса Харди (1840–1928), ставший классикой мировой литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.